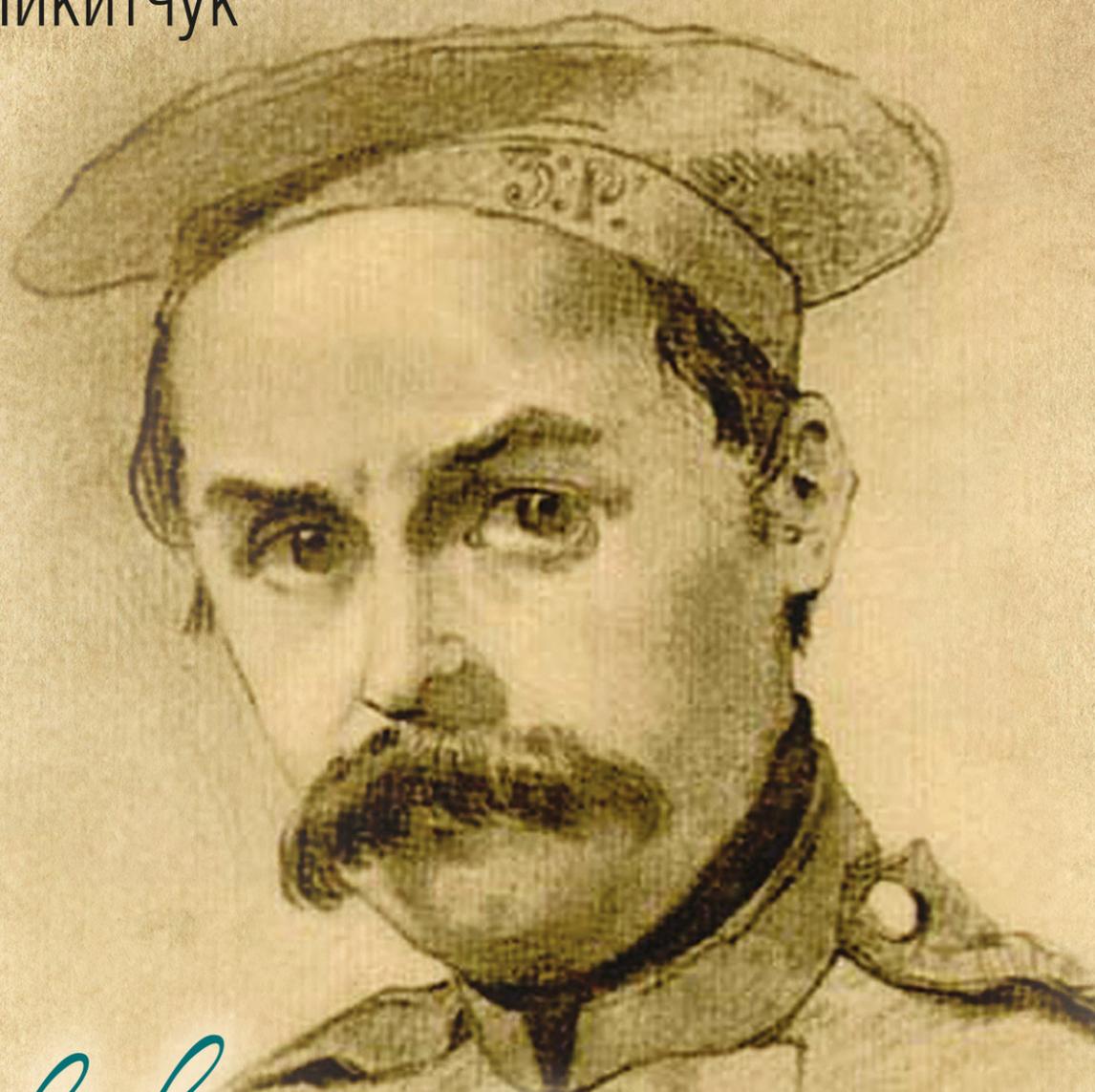

Иван Никитчук

Закованный
Прометей

Мученическая
жизнь
и смерть

Мараса

Шевченко

Иван Никитчук

**Закованный Прометей.
Мученическая жизнь и
смерть Тараса Шевченко**

«Алисторус»

2019

УДК 82-84
ББК 84.3

Никитчук И. И.

Закованный Прометей. Мученическая жизнь и смерть Тараса Шевченко / И. И. Никитчук — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907149-04-5

Книга посвящена жизни и творчеству гениального украинского поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко. Впервые автор сумел в одном томе отобразить все этапы его жизни – от детства до преждевременной смерти – наполненной нищетой, горем, унижением и невероятными страданиями. Родившись крепостным в нищенской семье и рано лишившись родителей, он ребенком оказался один среди чужих людей. Преодолевая все преграды, благодаря своему таланту и помощи друзей, ему удается вырваться из рабства на свободу и осуществить свою мечту – стать художником, окончив Петербургскую Академию художеств по классу гениального Карла Брюллова. В это же время в нем просыпается гений поэта. С первых строк его поэзия зазвучала гневным протестом против угнетателей-крепостников, против царя, наполнилась болью за поработанный народ. Царский режим не долго терпел свободное и гневное слово поэта, забрав его в солдаты на долгие 10 лет со строжайшим запретом писать и рисовать. Трудно было представить более изощренную пытку для такого человека как Шевченко – одаренного художника и гениального поэта. Но ничего не смогло сломить его могучий дух. Он остался верен своим убеждениям, любви к своему народу и своей земле. И народ ответил ему взаимностью. Имя Тараса Шевченко остается святым для каждого человека, в котором жива совесть. Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 82-84
ББК 84.3

ISBN 978-5-907149-04-5

© Никитчук И. И., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Арест	10
Глава 2. По дороге в ссылку	17
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иван Никитчук

Закованный Прометей. Мученическая жизнь и смерть Тараса Шевченко

© Никитчук И.И., 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

* * *

Посвящается моим друзьям-одноклассникам

*Мені однаково, чи буду
Я жити в Україні, чи ні.
Чи хто згадає, чи забуде
Мене в снігу на чужині –
Однаковісінько мені.
В неволі виріс між чужими,
І, неоплаканий своїми,
В неволі, плачучи, умру,
І все з собою заберу –
Малого сліду не покину
На нашій славній Україні,
На нашій – не своїй землі.
І не пом'яне батько з сином,
Не скаже синові: – Молись.
Молися, сиңу: за Вкраїну
Його замучили колись. –
Мені однаково, чи буде
Той син молитися, чи ні...
Та не однаково мені,
Як Україну злії люди
Присплять, лукаві, і в огні
Її, окрадену, збудять...
Ох, не однаково мені.*

Т.Г. Шевченко

Предисловие

У каждого народа есть свои герои и гении, которыми они гордятся, у которых учатся мудрости, мужеству, правде, любви... Русский народ по праву гордится такими именами, как А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов... Народ Украины склоняет свою голову перед гением Тараса Шевченко.

Тарас Шевченко – это гигант духа, источник могучей творческой силы, непримиримый борец против любого угнетения человека человеком. В историю человеческой культуры он вошел не только как талантливый художник, но, прежде всего, как гениальный поэт славянства мирового уровня, как творец современного литературного украинского языка.

Шевченко родился среди днепровских степей и там с молоком матери впитал любовь к родине, к родной земле и своему народу, его легенды и поэтические песни.

Грустная песня звучала в убогой хате; колыхалась убогая колыбель; мать прекращала пение... и горячие слезы капали на его лицо; мать брала на руки, сповитого в лохмотья, и шла с ним на панщину и в жару, и в непогоду...

Подрастая, он слушал уже казацкие песни и рассказы старого деда – участника и сподвижника гайдамаков, и появлялись перед его глазами кровавые сцены, наполненные ужасом и отвагой.

Жизнь его, от рождения, была наполнена то горем, то драмой, то поэзией и искусством. Жизненные невзгоды были для него не рассказом, а действительностью; нищета и лихая судьба преследовали и его, и все, что было для него близким.

Ясная и честная душа поэта вызывала к себе исключительное сочувствие, но он был жестоко лишен любви и дружбы... Оторванный от родины и родных, брошенный далеко от друзей, он в одиночестве мучился в глуши безотрадной пустыни, боясь оглянуться на свою ужасную судьбу. Двадцать четыре года жизни раба и десять лет солдатской муштры, десять лет унижений и глумлений жизни поэта! Эти десять лет еще при жизни были могилой, со всей ее разлагающей силой. Гробовая сырость, темнота и духота могилы в тех годах его мученичества. Как не умер он в тех страшных пытках? В течение десяти лет его убивали, душили; он захлебывался в болоте человеческой низости и невежества.

Неусыпное горе не изменило его; он остался чистым сердцем, он оставался человеком – в истинном понимании этого слова. Поэт, гражданин, живописец, гравер – он везде оставался самим собой. Эти таланты объединялись в нем как для сопротивления и успокоения в тяжелой жизни, так и для осознания своего безрадостного существования. Сколько горя ему пришлось испытать! Его хватило бы на тысячи судеб. У некоторых можно сосчитать в жизни тяжелые дни, у него – счастливые.

Шевченко был живой песней, живой печалью и плачем. Он босым прошел по колючим тернам, весь гнет эпохи упал на его голову... Вся жизнь его была тяжелой цепью, позорным ярмом; не ударом обуха убивали его, а ежечасно пилили тупой деревянной пилой. Но и тогда он подносился духом, будил, поддерживал и укреплял в каждом – то песней, то словом, то собственной жизнью – правду и безграничную любовь к угнетенному, униженному, нищему...

Так до конца жизни и не улыбнулось простое человеческое счастье поэту. Он был по-своему счастлив лишь в своих стихах и поэмах, прославивших его среди народа, и в своих работах изобразительного искусства, которым он, ученик великого Карла Брюллова, мечтал просвещать народ, обогащать его лучшими образцами гениальных художников.

Даже его заветная мечта построить свою хатку над Днепром осуществилась могилой на Чернечей горе близ Канева.

Прекрасные слова о Шевченко, отражающие всю его суть и содержание, написал другой знаменитый украинский поэт Иван Франко:

*«Он был сыном мужика – и стал властелином в царстве духа.
Он был крепостным – и стал великаном в царстве человеческой культуры.
Он был самоучкой – и указал новые, светлые и вольные пути профессорам и книжным ученым.*

Десять лет он томился под тяжестью российской солдатской ляжки, а для свободы России совершил больше, чем десять сильнейших армий.

Судьба преследовала его в жизни, сколько могла, но она не в силах была превратить золото его души в ржавчину, его любовь к народу – в ненависть и презрение...

Судьба не жалела для него страданий, но она не пожалела и радостей, здоровым источником которых была сама жизнь.

Самый лучший и самый ценный дар судьба принесла ему лишь после смерти – вечную славу и бесконечно расцветающую радость, которую в миллионах сердцах постоянно будят его творения...»

Сегодня в современной «незалежной» Украине кучка фашиствующих националистов пытается записать в свои ряды Тараса Шевченко, прикрыть свою звериную рожу народной любовью к поэту. Но эти потуги напрасны. Шевченко любил свой народ и свою родину, но точно так же он любил и русский народ, среди которого провел большинство дней своей жизни, точно так же он любил «убогих» казахов и киргизов, среди которых провел десять лет царской ссылки. Нет, не о национальной обособленности мечтал поэт вместе со своими друзьями по Кирилло-Мефодиевскому братству, а об объединении в единую семью славянского племени. Не среди кучки отщепенцев видел себя поэт, а

...меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте – помяните
Добрым, тихим словом.

Шевченко как бы заглянул в наши дни, когда писал:

Доборолась Україна до самого краю.
Гірше ляха свої діти її розпинають...

И действительно, бандеровская власть развязала братоубийственную войну, льется кровь, гибнут люди... Случилось то, чего так опасался Тарас Шевченко:

Україну злії люди
Присплять, лукаві, і в огні
Її, окрадену, збудять...

Злые люди из-за океана, преследуя свои цели, поддерживают фашистскую клику в ее стремлении отравить сознание украинского народа смрадом оголтелого национализма. Но их потуги напрасны. Не удастся им разорвать кровные узы братских народов. Будет так, как говорил когда-то Тарас:

І на оновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буде син, і буде мати,
І будуть люди на землі...

Наследие Тараса Шевченко не стало историей, не отошло в прошлое, оно, как огонь Прометея, продолжает служить людям, продолжает бороться с угнетением, несправедливостью, жестокостью, призывая к добру, свету и правде.

Глава 1. Арест

Был прекрасный день в самом начале апреля 1847 года, ярко сияло солнце, в воздухе, во всей природе чувствовалось пробуждение всего живого от долгого зимнего сна. Листья на деревьях еще не распустились, но вербы уже украсили себя пушистыми почками.

Тарас Шевченко, 33-летний сотрудник киевской Археографической комиссии, выпускник Петербургской академии художеств и уже известный украинский поэт, автор недавно вышедшего «Кобзаря», возвращался с очередной командировки в Черниговскую губернию к себе домой, в Киев. В нанятой коляске его спутником оказался богатый помещик, кавалерист Солонин, с которым он познакомился совсем недавно.

– Захар Константинович, – обратился Шевченко к своему спутнику, – какая красота вокруг!

И действительно, вид перед ними открывался удивительный: широкий, далекий простор, можно сказать, терялся в синей мгле. В этом просторе уже угадывалось присутствие огромной реки, шум которой становился все сильнее. До самого горизонта протянулся сплошной лес...

– Весна! Воздух – настоящий бальзам! – продолжал Шевченко. – Посмотрите, вон уже блестит батько-Днепр, а за ним отсвечивают на солнце золотом купола киевских церквей... Еще чуть-чуть – и мы дома... В Киеве, надеюсь, ожидает меня приятное известие о зачислении в профессора по рисованию Киевского университета. Как это будет славно общаться с талантливой молодежью!.. За последнее время написал массу новых стихотворений. Собрал по своим знакомым и везу их за пазухой целый ворох... Хочу издать новый «Кобзарь» с рисунками, наполненный думами о нашей Украине. Как тот жид, накоплю денег и выкуплю на волю моих бедных сестер и братьев... Немножко отдохну с дороги и окунусь с головой в издание и распространение своего дитяти – «Живописной Украины». Как многого не знает наш униженный народ, как много ему надо рассказать и показать...

Шевченко горячо, как все, что он делал, увлекся идеей систематически издавать серию гравюр с объяснительным текстом под общим названием «Живописная Украина».

Первые же его рисунки в этой серии были посвящены исторической и современной жизни народа.

Шевченко изготовил и отпечатал всего лишь шесть рисунков серии. Это яркие жанровые сцены из крестьянского быта: «Сваты» и «Мирская сходка» («Народный суд»), офорт на историческую тему «Приношение от трех держав даров Богдану Хмельницкому и украинскому народу в 1649 году» («Дары в Чигирине»), композиция на сюжет известной украинской народной сказки «Солдат и смерть» («Сказка»), наконец, два лирических пейзажа: «В Киеве» и «Выдубецкий монастырь».

Самыми ожесточенными врагами шевченковского замысла оказались украинские паны-либералы, увидевшие, что художник намеревается в своей «Живописной Украине» воспевать не «классовый мир» между помещиками и крестьянами и не националистическую романтику прошлого, а трудовой народ, его повседневный быт и борьбу за свои права...

– Вы правы, Тарас Григорьевич, – после некоторой паузы отозвался его попутчик. – Я завидую вашим прекрасным планам на будущее и рад за вас, можете рассчитывать на меня во всех ваших добрых начинаниях... Но боюсь, Тарас Григорьевич, – жмурясь от солнечного света, отозвался Солонин, – что ваш оптимизм насчет «чуть-чуть, и мы дома» вряд ли оправдан. В этом году Днепр разлился особенно широко и паром еще не налажен.

– Да не может того быть, чтобы мы не нашли хоть какую-нибудь посудину, которая перенесет нас на правый берег, – рассмеявшись, сказал Шевченко...

Они отпустили коляску и стали спускаться к Днепру.

– Захар Константинович, а вон и лодка, которая нас перевезет, – заметил Шевченко, указывая на открывшийся берег Днепра.

– Боюсь, что на эту лодку нас не возьмут, – приглядевшись, ответил Солонин. – Она предназначена для переправы почты и курьеров. Вон возле нее даже жандармы стоят.

– Давай хорошенько попросим... Вдруг согласятся. Да и курьеров никаких не видно.

Шевченко и Солонин спустились к Днепру и подошли к стоящим возле лодки квартальному надзирателю и двум жандармам.

– Господа, – обратился Шевченко к жандармам, – не выручите ли нас в беде, перебраться на тот берег?

– Не положено брать на лодку посторонних, – ответил квартальный надзиратель, стараясь не глядеть на Шевченко.

Шевченко заметил, что квартальный косит. Еще с детства, сам не зная почему, Тарас Григорьевич не любил косоглазых и не терпел встреч с ними. Какое-то недоброе предчувствие возникло где-то в душе, но он постарался его заглушить.

– Я вижу, – вмешался Солонин, – что вы намереваетесь переправляться без всякого груза. Я вам хорошо заплачу...

Квартальный переглянулся с жандармами и старший из них кивнул головой.

– Не положено, господа, – сказал квартальный, – но вижу, что вы господа благородные... Влезайте в лодку.

Лодка ждала именно Шевченко, и квартальный с жандармами разыграли эту комедию с единственной целью, чтобы Шевченко не смог освободиться от каких-либо улик.

Шевченко и Солонин разместились в лодке, в нее же погрузились жандармы с квартальным надзирателем, дружно налегли на весла гребцы, и она отчалила от берега.

Преодолевая быстрое течение, лодка медленно продвигалась к правому берегу реки. На середине Днепра к Шевченко обратился квартальный надзиратель:

– Вы Тарас Григорьевич Шевченко?

– Да, – ответил ничего не подозревающий Шевченко.

– У нас есть приказ арестовать вас. Вы арестованы. Прошу соблюдать спокойствие и передать мне все, что у вас имеется с собой.

Жандармы переместились ближе к Шевченко, отделив его от Солонина.

На какое-то мгновение Шевченко растерялся, негромко проговорив:

– Вот тебе, бабушка, и свадьба...

Но быстро пришел в себя. Он протянул руку под пальто, вытащил сверток бумаг и выбросил его в Днепр по течению.

– Поворачивайте лодку! – закричал квартальный гребцам. – Быстрее, олухи!

Лодка быстро догнала сверток, который выловил из воды один из жандармов.

– Нехорошо, господин Шевченко, – пожурил поэта с ехидной улыбкой квартальный надзиратель.

– Господа, – обратился к надзирателю и жандармам Солонин, желая выручить поэта, – может быть, мы договоримся с вами в отношении вот этого свертка бумаг, тем более уже серьезно подмоченного. Доставка его в полицию никаких благодарностей или наград вам не даст... Я готов заплатить вам за него прямо сейчас 500 рублей серебром.

Это были огромные деньги. У квартального и жандармов от такой суммы загорелись глаза. Они готовы были уступить... Но каждый из них боялся другого – жандармы – квартального, а квартальный – жандармов: а вдруг выдадут?... Да еще и гребцы!..

К сожалению, попытка спасти сверток со стихами от жандармского внимания не удалась.

Тем временем лодка причалила к правому берегу Днепра. Шевченко в окружении квартального надзирателя и жандармов высадили на берег и повели к ожидавшей их карете.

– Спасибо тебе, Захар Константинович, – обратился Шевченко к Солонину. – Прощай и не вспоминай лихом...

– Прощай, Тарас Григорьевич! Надеюсь, что вскоре увижу тебя на свободе и еще наслажусь твоей поэзией!..

– Не знаю... Из-за нее, из-за этой самой чертовой поэзии, думаю, не скоро увидимся...

– Прекратить разговоры! – прикрикнул на них надзиратель, подталкивая Шевченко к карете.

Двери кареты закрылись, и поэта увезли в управление жандармерии...

Здесь, в жандармерии, ему стало известно, что арестован не только он, а и многие его друзья, знакомые. Среди них Костомаров, учитель словесности и историк; Кулиш, профессор истории и писатель; Чижов, профессор математики; Массон, предводитель дворянства; Маркович, отставной офицер; Н.И. Гулак, чиновник канцелярии киевского губернатора; Чиж и другие. Все они были связаны между собой одной идеей – об объединении славянских народов.

Этот круг людей, который они называли Кирилло-Мефодиевское братство, иногда собирався на квартире у Н.И. Гулака, чтобы поговорить о судьбе славян. Высказывалась та мысль, что немцы, англосаксы, другие народы держатся вместе, а отдельные группы славян, каждая из них, ходят своей дорогой, часто в одной связке с врагом, который велит им везти его воз. Чтобы изменить эту ситуацию, предлагалось собрать всех ученых из славян вместе, чтобы они обменялись своими потребностями, счастьем и несчастьем, от которого всем достается. Братство ученых должно проложить путь к лучшему будущему – к федерации славян...

Уже на другой день после ареста Шевченко в сопровождении квартального надзирателя Гришкова и жандарма отправили в Петербург. Одновременно в Третье отделение тайной полиции гражданский губернатор Киевской губернии И. Фундуклей отправил сообщение: *«Между бумагами Шевченко оказалась рукописная книга с малороссийскими, собственного его сочинения, стихами, из каких многие возмутительного и преступного содержания».*

По дороге в Петербург, на почтовой станции Бровары, где меняли лошадей, Шевченко неожиданно встретил мать и жену Костомарова, которые тоже направлялись в столицу для встречи с арестованным сыном и мужем.

Возле возка, в который впрягали тройку лошадей, стоял человек с жандармом, которые ждали этот возок.

– Еще один арестованный, – сказала Татьяна Петровна, мать Костомарова, обращаясь к невестке. – Кажется, это Тарас Григорьевич Шевченко.

То ли он услышал эти слова, то ли узнал Татьяну Петровну, но не прошло и минуты, как Шевченко оказался рядом с экипажем Костомаровых и со слезами на глазах, грустным голосом промолвил:

– Это бедная мать Николая Ивановича, а это его молоденькая жена. Ой, горе, горе тяжелое матери и девушке...

После этих слов он расцеловал мать и жену Костомарова.

К ним подошел жандармский офицер и попросил Шевченко попрощаться со знакомыми и сесть в ожидавший его возок. Тарас Григорьевич успел только сказать, что за себя он не переживает, потому что он одинокий, «бурлака», а «Николая мне жаль: у него есть мать и молодая жена. И он ни в чем не виноват, разве только в том, что со мной побратался. Прости же меня, мамо, и не кляни!»

Он снова их поцеловал, сел с сопровождающими в возок, тройка курьерская с места пустилась в галоп...

Через несколько дней, 17 апреля 1847 года, Шевченко был доставлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Начались следствие, очные ставки.

Тарас держался на допросах спокойно, был бодр и даже весел. Не терял оптимизма. Возвращаясь в камеру вместе с Костомаровым, он подбадривал его:

– Не грусти, Николай, будем мы с тобой еще вместе жить.

В камере Шевченко написал и посвятил Костомарову, к которому он относился очень тепло, одно из своих стихотворений:

Н.И. Костомарову

Лучи веселые играли
В веселых тучках золотых.
Гостей безвыходных своих
В тюрьме уж чаем оделяли
И часовых переменяли –
Синемундирных часовых.
Но я к дверям, всегда закрытым,
К решетке прочной на окне
Привык немного, – и уж мне
Не было жаль давно пролитых,
Давно сокрытых и забытых,
Моих кровавых тяжких слез.
А их немало пролилось
В пески полей, сохой не взрытых.
Хоть рута, хоть бы что возшло!
И вспомнил я свое село, –
Кого-то в нем я там покинул?
В могиле мать, отец загинул...
И горе в сердце низошло:
Кто вспомнит, в ком найду я брата?
Смотрю, – к тебе, чтоб повидать,
Земли черней, мой друже, мать
Идет, с креста как будто снята.
Господь, тебя я восхваляю!
За то спою свой гимн суровый,
Что я ни с кем не разделю
Мою тюрьму, мои оковы.

Это стихотворение Шевченко смог вручить матери Костомарова в Саратове только десять лет спустя, возвращаясь из ссылки.

На вопрос шефа жандармов Орлова:

– Какими случаями вы были доведены до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против государя императора?

Шевченко ответил:

– Возвратясь в Малороссию, я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, посессорами и шляхтичами. И все это делалось и делается именем государя и правительства...

Следствие закончилось быстро. Результаты его были неожиданные.

Шеф жандармов Орлов доложил Николаю, что дело Кирилло-Мефодиевского братства раздуто из-за желания многих подчиненных выслужиться. Приговоры последовали мягкие для тогдашнего режима. Правительство знало цену разговорам пылких юношей о единстве славян и моральном перевоспитании крепостников. Только Костомаров получил год тюрьмы. Почти все обвиняемые были освобождены.

Что касается Шевченко, то дело приобрело серьезный оборот. В его свертке были найдены стихи, вызвавшие гнев царя, когда он их лично прочел. Разве мог простить царь холопскому поэту его дерзкие стихи, высмеивающие царский двор и их императорскую особу вместе с императрицей?

Гляжу: дома стоят рядами,
кресты сверкают над церквами,
по площадям, как журавли,
солдаты на муштру пошли...
Господа пузаты,
церкви да палаты
и ни одной мужицкой хаты!
Смеркалося... Огнем, огнем
кругом запылало –
тут я струхнул... «Ура! ура!» –
толпа закричала.
«Цыц вы, дурни! Образумьтесь!
Чему сдуру рады,
что горите?» – «Экой хохол!
Не знает парада!
У нас парад! Сам изволит
делать смотр солдатам!»
«Где ж найти мне эту цацу?»
«Иди к тем палатам»...
Вошел в палаты.
Царь ты мой небесный,
вот где рай-то! Блюдолизы
золотом обшиты!
Сам по залам выступает,
высокий, сердитый.
Прохаживается важно
с тощей, тонконогой,
словно высохший опенок,
царицей убогой,
а к тому ж она, бедняжка,
трясет головою.
Это ты и есть богиня?
Горюшко с тобою!
Не видал тебя ни разу
и попал впросак я, –
тупорылому поверил
твоему писаке!
Как дурак, бумаге верил
и лакейским перьям
виршеплетов. Вот теперь их
и читай, и верь им!
За богами – бары, бары
выступают гордо.
Все, как свиньи, толстопузы

и все толстоморды!
Норовят, пыхтя, потея,
стать к самим поближе:
может быть, получают в морду,
может быть, оближут
царский кукиш!
Хоть – вот столько!
Хоть полфиги! Лишь бы только
под самое рыло.
В ряд построились вельможи,
в зале все застыло,
смолкло... Только царь бормочет,
а чудо-царица
голенастой, тощей цаплей
прыгает, бодрится.
Долго так они ходили,
как сычи надуты,
что-то тихо говорили,
слышалось: как будто
об отечестве, о новых
кантах и петлицах,
о муштре и маршировке.
А потом царица
отошла и села в кресло.
К главному вельможе
царь подходит да как треснет
кулачищем в рожу.
Облизнулся тут бедняга
да – младшего в брюхо!
Только звон пошел. А этот
как заедет в ухо
меньшему, а тот утюжит
тех, что чином хуже,
а те – мелюзгу, а мелочь –
в двери! И снаружи
как кинется по улицам
и – ну колошматить
недобитых православных!
А те благим матом
заорали да как рявкнут:
«Гуляй, царь-батюшка, гуляй!
Ура!.. Ура!.. Ура-а-а!»

Докладывая царю о результатах расследования дела об участниках Кирилло-Мефодиевского братства, шеф жандармов в отношении вины Шевченко сказал:

– Шевченко формально не принадлежал к братству, но он виновен по своим собственным отдельным действиям.

– Я вполне ознакомился с этими его «отдельными действиями». «Мужицкая» поэзия Шевченко во много раз страшнее либеральной болтовни юношей из Кирилло-Мефодиевского

братства, – ответил Николай I на слова Орлова. – Его возмутительные стихи могут вызвать волнение среди народа Малороссии и не только. Они уже заполнили все города и села... Плохо работают твои подчиненные, Алексей Федорович... Надо предпринять все меры по изъятию всего, что было издано за эти годы под его именем и не только.

– Будет исполнено, ваше величество! – нагибаясь всем телом, проговорил Орлов.

Царь ходил по кабинету с суровым выражением лица. Остановившись напротив Орлова, он вдруг, сменив гневное выражение на некоторую гримасу улыбки, неожиданно сказал:

– И все же, Алексей Федорович, надо отдать должное наблюдательности этого негодяя. Э, как ловко он изобразил в своих стихах мою вторую половину: «тощей, тонконогой, словно высохший опенок, царицей убогой, а к тому ж она, бедняжка, трясет головою...»

Гримаса сошла с лица царя, и снова его глаза наполнились гневом.

– Какая неблагодарность!.. Александра Федоровна истратила почти 400 рублей, чтобы купить портрет Жуковского, написанный Брюлловым, для выкупа этого, так сказать, крепостного художника... И вот благодарность!.. – раздраженно продолжал царь. – Он в своих стихах ругал москалей... Так вот, повелеваю отправить его в москальи, пусть на своей шкуре испытает, каково это быть москалем... На десять лет в солдаты в Тмутаракань, под строжайший надзор, запретив писать и рисовать!

– Будет исполнено, ваше величество, – заверил царя Орлов.

Жестокость приговора изумила даже жандармов. Это была гражданская смерть для Шевченко. Художнику связали руки, поэту заткнули рот.

Шевченко выслушал приговор спокойно, даже с улыбкой.

Сразу же после вынесения приговора, 2 июня 1847 года, Шевченко в сопровождении фельдъегеря и жандарма отправили в Оренбург. Впереди был путь в две тысячи километров. Шевченко был отправлен тайно. Никто не знал, куда сослан поэт. Первое время по Петербургу ходили слухи, что он увезен на Аландские острова и там повешен...

Глава 2. По дороге в ссылку

Вот уже несколько дней трясется он в этой повозке вместе со своей охраной. Кибитку подбрасывало и подбрасывало, и казалось, что подпрыгивает вся земля. Хотелось остановиться и упасть на землю, прекратив ее дрожание.

Кибитка мчалась уже оренбургской степью. Дорога была прямая, словно торопилась добежать до своего конца; торопясь, бежали кони; торопясь, подгоняли лошадей люди; поспешая, тархтели колеса, и только курева медленно оседала позади. Да еще небо стояло неподвижно над неподвижной степью.

Он представлял, как бы все это нарисовать несколькими штрихами. Но сейчас было не до рисования. Не хотелось брать в руки ни карандаша, ни бумаги. Да и не было их у него. Он посмотрел на свои руки.

Руки лежали неподвижно на коленях, как будто вовсе и не его, Тараса, а те гипсовые слепки, которые он много раз рисовал в классах Академии... Он улыбнулся, вспомнив руки отца – большие, как будто из дерева. И руки матери – тонкие, почерневшие, как будто из них кто-то всю кровь высосал. И графа Орлова с пальцами, напоминавшими маленькие змеи. А какие руки у царя? Глаза – оловянные, это знают все. Лоб, как будто рубанком назад стесали. Усы – кажется, горячим утюгом сплюснутые и прилепленные под носом. А руки?.. Такими руками только шпицрутены носить. И именно эта высочайшая рука вывела свою резолюцию-шпицрутен: *«Под строжайший надзор, запретив писать и рисовать!»*

Сейчас ему не хотелось ничего делать. Свинцовая, тяжелая, многопудовая усталость свалилась на его голову, плечи, руки. Он не ощущал ни досады, ни страха – только страшная усталость придавила всего его.

Тарасу почему-то вспомнилось, как приводили его на допросы, как удивительно напрягалась вся его воля. Он был способен отвечать на любые вопросы – отвечать спокойно, изобретательно, с такой сдержанной ненавистью, что она вызывала лютую злобу у Орлова и Дубельта. О, как они старались высосать из него хотя бы одно слово, имя или фамилию. Напрасные старания! Но вернувшись в камеру, он падал на нары почти замертво...

Жара донимала неимоверно. Нечем было дышать. В глазах темнело, во рту пересохло.

Главное о чем-нибудь думать, думать о другом, о далеком. Тарас закрыл глаза, вспоминая свое детство...

В бедной, старой беленой хате с потемневшей соломенной крышей и черной кирпичной трубой прошло его детство. Перед хатой росла яблоня с краснощежими яблоками, вокруг яблони раскинулся выращенный ловкими руками трудолюбивой Катерины, старшей сестры, цветник; у ворот стояла старая развесистая верба с засохшей уже верхушкой. А дальше, по кособору, сад, за садом – левада, за левадой – долина, поросшая вербами да калиной, с тихо журчащим ручейком, теряющимся среди густых лопухов.

В этом ручейке он малышом купался, а выкупавшись, забегал в тенистый сад, падал под первой грушей или яблоней и засыпал.

Чудесная природа Украины заронила в его душу способность любить краски и голоса пышной земной благодати, тяготение к прекрасному, отзывчивость на живописный и певучий мир цветов и песен.

Село! О, сколько милых, очаровательных видений пробуждается в сердце при этом милом слове. Село!

Маленький Тарас любил спрятаться в бурьяне, смотреть в небо и мечтать, мечтать... А оно над головою синее-синее, и кажется ему, что это большая высокая крыша, а там, где-то на горизонте она опускается на землю. «Вот бы увидеть, как она там опускается!» – думает Тарас.

В шесть лет он спросил своего столетнего деда Ивана, на чем держится небо.

Дед, вынув трубку изо рта, рассказал ему, мальчику, что вон там, где небо сходится с землей, есть огромные железные столбы, которые его и подпирают.

С тех пор он стал грезить о том, чтобы найти железные столбы, на которых держится небо, – там, за этими столбами, должно было начинаться человеческое счастье...

«Не за этой ли горой, напротив нашего старого сада, стоят железные столбы, что поддерживают небо? – спрашивал он себя. – А что, если бы пойти да посмотреть, как это они его там подпирают? Пойду – ведь это недалеко», – решил Тарас однажды.

И вот отправился он прямо через левяду и долину за околицу села, прошел с полверсты полем. В поле высился огромный черный курган. Этих насыпей над древними могилами немало разбросано по всей Украине. Дед говорил, что там похоронены казаки. Ночью страшно смотреть на него. Наверное, выходят те казаки с могилы, разговаривают между собой. Но сейчас не страшно: на дворе еще день. Взобрался маленький Тарас на вершину кургана, чтобы поглядеть: далеко ли еще до тех железных столбов, что подпирают небо?

Стоит мальчуган на высоком кургане, и далеко видно ему кругом: во все стороны раскинулись среди зеленых садов села, белеют из темной зелени бедные, крытые соломой хатки; между деревьями выглядывает трехглавая, под белым железом церковь, в другом селе – тоже церковь виднеется, и тоже покрыта белым железом.

Задумался мальчик. «Нет, не это те железные столбы, что поддерживают небо! – размышляет он. – Сегодня, верно, уже не успею я дойти до них. Выберусь-ка я завтра вместе с Катериной: она погонит пасти коров, а я пойду прямо к железным столбам. А сегодня одурачу брата Никиту: скажу, что видел я железные столбы, что подпирают небо...»

И, скатившись кубарем с вершины кургана, Тарас пошел по дороге, не оглядываясь.

Уже вечерело, солнце почти спряталась. Он устал. Из-за леса показалась валка чумаков. Скрипят возы, медленно идут круторогие волы. Тарас остановился, прислушиваясь к знакомой песне.

Над речкою бережком
Шел чумака з батожком,
Гей, гей, з Дону да домой!
– Постой, чумака, пострывай,
Шляху в людей распытай,
Гей, гей, чы не заблудився!
– Мені шляху не пытать,
Прямо степом мандрувать,
Гей, гей, долю доганять!..

– А куда ты, парубок, идешь? – спросил его чумака с переднего воза.

Бриль на нем широкий, из-под него, как из-под крыши, видно загорелое лицо.

– До дому, – ответил Тарас.

– А где ж твой дом, казак?

– В Кириловке.

– Так почему же ты идешь в Моринцы?

– Я не в Моринцы, я в Кириловку иду.

– А если в Кириловку, то садись, казак, ко мне на воз, мы довезем тебя домой, – про-светлело улыбкой суровое лицо чумака.

Он поднял Тараса на воз, усадив его спереди.

– Ну, погоняй. Смотри, какой чумака!

Дал он кнут в руки, и Тарас, довольный, гордый, сидит, сияет, как новая монета. Еще бы: как настоящий чумака домой возвращается!

Едут, скрипят возы, медленно идут спокойные круторогие волы. Издалека они идут. Переправлялись через реки, пили чистую воду Днепра, брели по целинным бескрайним степям, пробовали южную горькую полынь, отдыхали возле самого Черного моря, возле соленых озер. И вот возвращаются домой, везут соль, рыбу...

– И меня дома такой же малыш дожидается, – говорит кто-то на соседнем возе. – Живые ли они там, или по панской воле уже с голода пухнут.

– Да, это так, – отозвался хозяин воза, на котором ехал Тарас, – как на пана поработаешь, то и этот Черный шлях белым покажется.

– А почему он Черный? – не утерпел спросить Тарас.

Помолчал чумака, выпустил дым из своей трубки, улыбнулся Тарасу.

– Маленький такой, белявый, а всем интересуется, – ласково проговорил чумака. – А потому, что этот шлях был когда-то самым страшным, очень опасным. Когда-то чумакам ехать по нему было опасно. Потому и Черный, что горя на нем немало случилось.

Хотел Тарас еще расспросить и о запорожцах, и о разбойниках: ведь чумаки такие бывалые люди, они все знают! Но видит – уже и в самом деле их село. Он весело закричал:

– Вон, вон наша хата!

– Ну, раз ты уже видишь свою хату, значит ступай с богом домой! – сказал чумака.

Он сняли мальчика с телеги, и Тарас опрометью бросился на пригорок, к хате.

Над левадой, над садом сгустились уже синеватые южные сумерки; из долины тянуло прохладной сыростью...

А в хате Григория Шевченко было беспокойно: маленький Тарас не явился к ужину, где-то запропал; как ни кликала его Катерина, как ни искали его повсюду – исчез хлопец, да и все тут!

На дворе, возле хаты, на зеленой мураве сидела и ужинала вся семья. Лишь Катерина от волнения не могла есть, кусок не лез ей в горло; она стояла у калитки, подперев голову рукой, и все высматривала – не покажется ли загулявшийся сорванец.

И только появилась белокурая головка над перелазом, Катерина радостно закричала:

– Пришел! Пришел! – и, бросившись к брату, схватила его на руки, понесла через двор к хате, усадила в кружок ужинавших. – Садись ужинать, приبلуда!

После ужина, укладывая мальчугана спать, Катерина целовала его:

– Ах ты, приبلуда!..

А Тарас долго не мог уснуть: он думал о железных столбах и о том, говорить ли о них Катерине и Никите или не говорить. Никита бывал с отцом в Одессе и там, конечно, видел эти столбы. Как же говорить ему о них, когда Тарас их вовсе не видал?..

Вспомнил Тарас и рассказы родного деда, свидетеля «Колиивщины» – крупнейшего крестьянского восстания на Украине в 1768 году, – о гайдамаках, об их кровавой борьбе против шляхты. Через два десятка лет в эпилоге к своей поэме «Гайдамаки» он напишет:

Вспоминаю детство, хату, степь без края,
Вспоминаю батьку, деда вспоминаю...
Как в праздник, Минеи закрывши, бывало,
И выпив с соседом по чарке по малой,
Попросит он деда, чтоб тот рассказал
Про то, как Украина пожаром пылала,
Про Гонту, Максима, про все, что застал.
Столетние очи, как звезды, сияли,
Слова находились, текли в тишине...
И слезы соседи порой утирали,
Мальчонкою плакать случалось и мне...

Вечерами иногда он садился к деду на завалинку и просил его рассказать о казаках, об их подвигах... Дед закрывал глаза и погружался в воспоминания...

– Вспоминаю батька нашего славного, Максима, вспоминаю гайдамаков. В наших лесах они собирались, здесь панов проклятых били. Давно это было, я еще молодой был. Да, давно... Проклятые паны шляхские задумали нашу землю всю захватить, всех людей на свою веру перевернуть, всех нас ополячить. Издевались – сказать нельзя как!

Был в Вильшане титарь, церковный староста – Данило Кушнир. Говорили люди – такой уже человек, что другого такого и не найдешь. И что ж с ним сделали! Замотали руки соломой и подпалили, а потом зарубили насмерть. Да разве титаря одного! Слово не так – в тюрьму, пытки. Не стерпел народ, пошел в гайдамаки – защищать бедный свой край. Говорили еще люди, будто бы царица золотую грамоту написала, чтобы всех панов польских убили, да и жили себе свободными.

Был у нас атаман – орел – запорожец Максим Железняк. Видел его, видел, как приехал он из Мотронинского монастыря. Как глянул на нас, сердце у меня загорелось...

В Мотронинском монастыре собрались к Максиму запорожцы, посвятили ножи свои и пошли Черным шляхом панов бить. Как раз под Маковея над речкою Тясьмино, что под Чигирином, собрались гайдамаки в дубраве. Разобрали гайдамаки священные ножи и стали ждать третьих петухов. Но есаул Максимов не утерпел, не дождался третьих петухов, поджег Медведовку, и запылала вся Украина...

Такое вот было! Кто только мог топор поднять, все до Железняка – даже женщины с рогачами в лес к гайдамакам подались. А Максим своей саблею-домахою рубает, карает, поля трупами покрывает, ксендзов проклятых, иезуитов выметает, чтоб и на семена не было. Умели на чужую землю, на чужую жизнь зариться – ну и отведайте хорошенько кары народной!..

– А Гонту ты видел, дед?

– Нет, Гонты не видел, говорят, верный побратим был Максиму, за Украину жизнь отдал. Ох, и досталось ляхам... – и умолк дед.

– А потом? – спросил Тарас.

– Ну, что потом – предали гайдамаков, и царица и ее войско з шляхтою вместе задушили гайдамаков. Гонту замордовали, язык ему отрезали, четвертовали, Максима в Сибирь заслали, да начали ловить гайдамаков по ярам да лесам, вешать, палить.

– А золотая грамота? Ви ж говорили, что она золотую грамоту написала, чтобы люди вольные были...

– Какая там грамота! Вот такая та золотая грамота, что все мы крепостными под паном ходим. Обманула царица... – вздохнув тяжело, махнул рукою дед...

Читать Тарас научился рано. О школе первым завел разговор дед.

– Что в голове есть – то всю жизнь несть, – сказал он. – Пора уже Тараса до дьяка в науку отдать.

– Да маленький он еще, – тихо отозвалась мать.

Но отец поддержал деда.

– Ничего, пусть сызмальства учится. Что будет уметь, того за поясом не носить.

Тарасу было и интересно, и немного боязно идти в школу. Он не раз бегал под ее окнами и слышал, как учитель, дьяк, громким голосом говорил:

– Аз-буки! Аз-буки!

А за ним ребята все хором:

– Аз-буки! Аз-буки!

Иногда слышно было плач и крики, и тогда сельские, подморгнувши один другому, говорили:

– Ишь, как дьяк березовым пером выписывает!

Скоро и сам Тарас оказался в отаре, состоящей из десяти – двенадцати босоногих ребят, и малый Тарас тоже вместе со всеми начал повторять за дьяком:

– Аз-буки, аз-буки!

Выбегая из школы, он вместе с другими ребятами пел:

– Аз – били меня раз! Буки – не попадайся дьяку в руки!

Но попадать дьяку в руки Тарасу приходилось чаще других. Непоседливый, интересующийся всем вокруг, Тарас чувствовал большую тягу к науке, хоть и тяжелая была та наука.

По субботам всех учеников – и правых, и виноватых – дьяк сек розгами, причитывая четвертую заповедь: «Помни... день... субботний...» и т. д. При этом каждый ученик должен был пойти в соседний сад Грицка Пьяного, нарезать там (конечно же, украдкой, чтобы хозяин не заметил) вишневых розг, принести их в школу и ждать, пока учитель выпорет его этими розгами. Били не только по субботам! Небитым оставался только тот ученик, до которого не доходила очередь, потому что учитель уставал от битья и ложился спать. Иногда учитель приходил в школу в хорошем настроении, тогда выстраивал учеников в ряд и спрашивал: «А что, хлопцы! Боитесь вы меня?» Ученики все в один голос по его приказу должны были кричать: «Нет, не боимся!» – «И я вас не боюсь», – веселился учитель, распускал их по домам, а сам ложился спать.

У этого жестокого дьячка Тарас закончил свое образование, выучил часослов и Псалтырь и научился писать. Голодным он был постоянно, только одни покойники выручали, над которыми дьяк посылал Тараса читать Псалтырь. Ходил Тарас постоянно в серенькой дырявой свитке и в вечно грязной рубашке, а о шапке и сапогах и помину не было ни летом, ни зимой.

Этот дьячок Бугорский был настоящий деспот, на которого наткнулся Тарас, который поселил в душе мальчика на всю жизнь глубокое отвращение и презрение ко всякому насилию одного человека над другим. Детское сердце было оскорблено этим исчадием деспотических семинарий миллион раз. Бесконечные порки и лишения, лишения и порки ожесточили вконец сердце босоногого подростка, и он покончил свои отношения с дьячком так, как вообще оканчивают выведенные из терпения люди – мстостью и бегством. Найдя его однажды бесчувственно пьяным, Тарас употребил против него собственное его оружие – розги – и, насколько хватило детских сил, оплатил ему за все его жестокости.

Здесь же, в школе дьяка Бугорского, пробудилась у Тараса страсть к рисованию. Маленький Тарас выделялся среди своих сверстников любовью к рисованию. Потом он напишет в своем стихотворении об этом:

Бывало, в школе я когда-то,
Лишь зазевается дьячок,
Стяну тихонько пяточок –
Ходил тогда я весь в заплатах,
Таким был бедным, – и куплю
Листок бумаги. И скреплю
Я ниткой книжечку. Крестами
И тонкой рамкою с цветами
Кругом страницы обведу,
Перепишу Сковороду
Или «Три царие со дары»
И от дороги в стороне,
Чтоб обо мне кто не судачил,
Пою себе и плачу...

Когда ему становилось невольно от порок, он обыкновенно убегал и по несколько дней скрывался в садах, причем запасался бумагой, а при случае не прочь был стащить у дьячка и пятак; из бумаги он делал маленькую книжечку и тотчас же принимался обводить ее крестами и «визерунками с квитками» или списывать Сковороду.

Так и на этот раз. Отомстив своему мучителю, он похитил у него книжечку и бежал в село Лысянку к маляру-дьякону. Но через четыре дня он снова бежит, уже в Стеблов (Каневского уезда), а оттуда в Тарасовку к дьячку «хиромантику», который, посмотревши на его левую руку, признал его ни к чему не годным, «ни даже к шевству, ни к бондарству». Похождения эти кончились неудачей, и он должен был возвратиться домой.

К тому времени он был уже круглым сиротой. Сначала умерла мать. Тарасу исполнилось 9 лет.

– Со святыми упокой рабу божию Катерину, иде же несть болезни, печали, ни воздыхания, – читает дьяк и поднимает глаза из-под лба, и косица, похожая больше на селедку, чем на обычную косу дьякона, трусится в такт. Отец весь серый, согнутый и не отрывает глаз от гроба. Тарас держит за руку сестру Иринку, а за юбку Иринки держится слепая Марийка, а брат Никита держит маленького Иосифа. В гробу лежит мать, такая спокойная-спокойная, только лицо совсем желтое. Как будто из воска. Почти все лето болела, но разве лановой на то обратил внимание? И жала, и вязала, как всегда, а уже когда обмолотились – доходились ее ноги, доработались ее руки, – слегла и не встала. Не верится Тарасу – неужели мама не поднимется, не посмотрит и ничего не скажет?

– Иде же несть болезни, печали, – выводит дьяк и трясет косою, как селедкой.

Иринка заливается слезами.

– Мама, мама... – шепчет она, не понимая еще как следует, что случилось.

Когда дьяк прочитал последнюю молитву и гроб начали спускать в могилу, дети заплакали от страха.

– Не бросайте туда маму! Не бросайте! – закричала Иринка.

– Бедная сиротка! – кто-то произнес из толпы.

Тарас грязными руками утирал слезы, оставляя черные полосы по всему лицу.

Скрылся под землей гроб, появилась могила.

Отец посмотрел на детвору – один одного меньше, сгрудились вокруг него...

Тяжело отцу с маленькими детьми. Вскоре он женился.

На другом конце села жила вдова, не старая еще, только то беда, что и у нее трое детей.

«Ничего, – подумал отец, – может, вдвоем как-то легче будет всем раду дать».

Мачеха переехала в хату Шевченков.

– Вот вам мать, а это тебе дети, – сказал отец и детям, и новой жене.

Зыркнул Тарас на мачеху – сразу укололи сердитые глаза и лицо без улыбки, неприветливое. Возле нее сгрудились ее дети – мальчик Степанко, чуть младший от Тараса, двое девочек – таких как Иринка и Марийка.

Только вышел отец с хаты, как мачеха сразу начала раздавать поручения:

– Ты, Ирина, присмотри за маленькой, а ты, Тарас, – хватит тебе дурака валять да по чужим садам лазить, – возьми лопату та уберись во дворе, везде у вас грязь.

И началось... С утра до вечера слышат соседи – орет мачеха, ругает всех – и детей, и даже мужа.

А отец только глянет на несчастных детей своих, махнет рукою, да и подастся куда-нибудь подальше от родной хаты, чтоб не слышать и не видеть этого пекла. Но больше всего Тарасу доставалось, потому что он и не смолчит, и за сестер заступится, и Степанку сдачи даст. Мачеха работы для него не жалеет. Иногда в праздник вырвется он из дома и бежит в соседнее село к своей сестре Кате, которая вышла туда замуж. Глянет Катя и руками всплеснет. Худой, грязный, голодный, в голове чего только не завелось. Сестра его пригревала, сколько могла. Горе

мое, сирота! Заплачет Катя, обмоет, облагает, накормит, да так, чтоб свекруха не знала. На расспросы Тарас не отвечал – прогнали ли его откуда, били или есть ему не давали, – никогда не жаловался. Однажды зашел в хату, на лавку камнем упал и уснул. Видел Тарас, что и у Кати жизнь не мед. Ходит на панцину, ребенка с собою берет, в тени положит, а сама снопы вяжет. А дома свекруха лютая, муж пьет... Грустным Тарас возвращается от сестры.

Как-то отец куда-то уехал. Шел их селом солдат к себе домой. Двадцать пять лет, бедный, отслужил. Зашел в Шевченкову хату, попросился переночевать.

Вечером Тарас не отходил от солдата, все расспрашивал:

– Дядя, расскажите еще, как же вы воевали?

– Бодай его и не вспоминать – сам узнаешь, когда солдатом станешь.

– Нет, не хочу быть солдатом, – мотнул головой Тарас, – не хочу, а вы расскажите только.

И до поздней ночи рассказывал солдат и о муштре в казармах, и о тяготах солдатской жизни. Улыбался только, когда рассказывал, как французов гнали. Поздно легли спать. А утром встал солдат, заглянул в кошелек – нет денег.

– Деньги, хозяйка, пропали, целых сорок пять копеек! – грустно сказал солдат.

– Не иначе как Тарас украл! – закричала мачеха. – Он и крутился возле вас, заметил, наверное, деньги.

– Не крал я, – вспыхнул Тарас. – Я только слушал, что дядя рассказывал.

– Тарас и спал рядом с ними, – добавил Степанко, облизывая губы.

Страшно любил он, когда на Тараса сердились.

– Сам, наверное, украл! – закричав Тарас. – Я вот тебе сейчас дам, будешь знать, как врать! Это ты солдатскую одежду в кладовку относил.

– А, так ты, щенок, на моего Степанко! – заорала мачеха, и удары посыпались на бедного Тараса. – Чтобы сейчас же были деньги, я с тебя душу выбую, ты у меня живым не будешь, если не вернешь деньги.

Еле сбежал Тарас от мачехи.

«Куда же спрятаться?» – в горячке думал Тарас.

Пробежал сад, мимо пруда и в сад до соседа Желеха – там такая густая калина, что никто не найдет. Залег Тарас в кустах, весь вздрагивает от слез.

«Здесь и буду, не пойду, ни за что не пойду домой! – подумал. – Пусть лучше умру».

И так жаль себя стало, так жаль, что еще сильнее заплакал. Никто его не пожалеет... Нету Кати, нету мамы, может, только Иринка заплачет...

Тарас уснул... Проснулся – уже день к вечеру клонится, уже нет ярких полос от солнца на темной зелени кустов. Очень хотелось есть. Он снова закрыл глаза. Голосов нигде не слышно, только иногда шелестят ветки, когда птичка перелетит, да еще зашуршит трава, когда пробежит зеленая ящерица.

«Здесь хорошо... – подумал Тарас. – Здесь не найдут. Не вернусь я в хату. Вот только, чтобы есть не хотелось. Разве что снова уснуть?»

И вдруг он услышал, что ветки шелестят сильнее, чем от взмахов птиц.

«Неужели нашли? – сжалось сердце, и даже ноги похолодели. – Снова будут бить!»

Захотелось сжаться в маленький клубочек, как тот комочек земли, и спрятаться под корень, под листик, чтобы никому, никому не было видно. А шорох усиливается.

– Тарасику! – неожиданно услышал он шепот. – Тарасику! Ты где? Это я...

– Иринка! – чуть было не крикнул Тарас, и слезы радости блеснули в его глазах. – Иринка! Нашла!

– Тарасику, – зашептала Иринка, прижавшись к нему и неимоверно радуясь, что все-таки нашла его. – Я так тебя искала, везде искала – и в стоделе, и на леваде. Тарасику, я тебе кушать принесла, – и она вынула из-за пазухи две печеные картофелины. – На, ешь. Когда все лягут спать, я тебе еще принесу.

– А как там дома?

– Ой гневаются, ой ругаются! – вздохнула Иринка. – Тарасику, а ты правда не брал грошей? Если брал, верни им лучше.

– Ты мне не веришь? – промолвил Тарас. – Вот крест тебе святой, пусть меня гром на этом месте убьет, если я брал!

Он смотрел так горько и грустно, что Иринка и без присяги поверила б.

– А когда ж ты домой вернешься?

– Я вообще не вернусь... я тут буду жить. Разве тут погано? А ты же еще придешь? И не угоддай ей, слышишь? Пусть она сдурет!

Когда на другой день Иринка прибежала тайком от всех к Тарасику, она не узнала ни его, ни тех кустов. Тарас, веселый, что-то напевая себе под нос, делал из веток небольшой курень.

– Видишь, как здесь хорошо, – засмеялся он, уминая кукурузу, что принесла Иринка.

– А и действительно хорошо! – просияла улыбкой Иринка. – Красивее, чем в нашей хате.

– Вот, давай, еще дорожки сделаем и песком посыплем, ты от става принеси, и будет совсем как в поповом саду.

Быстро забылось горе. Днем Тарас налаживал свой курень, дорожки притоптал вокруг. Прибегала Иринка, Тарас рассказывал ей страшные сказки, – он умел выдумывать такое разное! А вечером он смотрел на темное небо, на звезды и мечтал: как будет большим, то никто, никто уже не посмеет его бить, потому что он станет гайдамаком.

Вот так и прожил он четыре дня. Иринка носила кушать, и было беженцу совсем не погано.

Но на пятый день случилось лихо. Степанко уже давно заметил, что все бегают Иринка куда-то в одну сторону, вот и прицепился к ней:

– Куда ты бежишь? Что ты несешь? Что ты там за пазухою прячешь?

– Никуда я не бегу, и ничего я не несу, – огрызнулась Иринка. – Какое тебе дело?

Хотя заморышем и слабым был Степан, но вредный, выследил все же.

– Мамоchка, а я знаю, где Тарас, к нему Иринка бегают и еду ему носит!

– Ой, слышите ли, вы, добрые люди, – заверещала мачеха, – объявился ворюга, объявился! Если бы он не украл, то и не убежал бы и не прятался! Ну, пойдем и приведем этого разбойника!

С ней пошел и дядя Тараса, Павел, великий пьянчуга, человек без жалости. Как раз в тот день не на что было ему похмелиться, поэтому он был злой-презлой, как никогда.

Тарас как раз развешивал на стенах своего куреня клочки бумаги с рисунками, которые он сам нарисовал, когда неожиданно его ухватили за ноги, как будто клещами.

– Ну-ка, иди ко мне, ворюга!

И крепкие руки дядька Павла вытащили Тараса из его убежища на свет божий, злой, немилосердный свет!

Так уже били Тараса, так били, что и не чувствовал он и не понимал ничего.

– Та не бейте его, – промолвил солдат, – пусть уже у меня будет недоля.

– И что вы кажете, – вскипела мачеха, – чтоб на мою хату да такая неслава!

– Признавайся, ты взял деньги? – гремел дядя. – А то всю шкуру сдеру.

И Тарас не выдержал:

– Я... – еле слышно прошептал он.

– А, признался! – закричала мачеха.

– Признался! Признался! – запрыгал Степанко.

– Где ж деньги? Говори, где деньги?

«Где ж деньги? – подумал Тарас. – Что же им сказать?»

– Говори, а то убью!

– Закопал... в саду закопал...

Иринка стояла чуть жива со страха – ведь он клялся ей, что не брал.

– Где закопал? – не переставал цепляться дядя.

– Закопал... я их не брал... закопал в землю... не знаю где... – бормотал Тарас уже почти без памяти.

Иринка стояла, и слезы текли по щечкам. Она не вытирала их, боялась пошевелиться. Она поняла – он нарочно признался, чтобы перестали бить.

Полумертвого Тараса кинули в кладовую. Мачеха открыла материн сундук, вынула оттуда новую юбку и продала. Деньги отдала солдату:

– Чтоб я еще свое на них тратила! Пусть их мать расплачивается своим добром.

А вечером Иринка увидела, как Степанко, когда не было никого в хате, вынул из-за образов сорок пять копеек и убежал с ними на улицу.

– У, проклятый! – всхлинула Иринка и побежала в кладовую.

– Тарасику, – прошептала она, – я видела, то Степанко украл!..

А через два года умер и отец.

Это случилось в марте месяце, когда погода то к зиме склоняется, то к весне; то пригреет солнышко, зашумят ручьи с гор, выбегут дети почти босые, прыгают, поют; а ночью вдруг рассердится мороз, что солнце ему веку убавляет, заскрипит, и снова наутро все льдом взялось.

Поехал отец в марте аж в Киев – добро какое-то пана возил, застудился, заболел. Приехал – не узнать его. Уже на что мачеха – и та перепугалась. Оно, правда, и мачехе жить не сладко, с такой жизни доброй не станешь: детей – как гороха, а нищеты – как у пана добра. Надо б было отцу хотя бы немного полежать, да где там – гонят на работу.

– Иди, иди, лодырь, – орет приказчик, – давно на конюшне не был, розг не пробовал!

А когда с панщины принесли отца, то уже взгляд был мутный. Когда положили отца на лавку, он сказал слабым голосом:

– Приведите всех.

Все дети собрались, все родственники.

– От и смерть пришла, – еле слышно вымолвил. – Хату Никите оставляю, – и начал всех наделять. – Инструмент – Иосифу, сундук со всем добром в нем – Иринке и Марийке... – Остановил взгляд на Тарасе... Уже с трудом сказал: – Сыну Тарасу с моего хозяйства ничего не надо, он не будет обыкновенным человеком. Будет из него либо что-то очень хорошее, либо негодяй – ему мое наследство либо ничего не значило бы, либо ничем не помогло бы...

Глянул на Тараса долгим взглядом, будто бы продолжая, – ты же понимаешь!

Подшли дети попрощаться, поблагословил всех, а к полуночи его не стало.

Детство – трудное и трудовое, но все-таки детство – окончилось безвозвратно.

Мало светлого осталось в памяти Тараса об этих ранних годах его жизни:

За что, не знаю, называют
Мужичью хату божьим раем...
Там, в хате, мучился и я,
Там первая слеза моя
Когда-то пролилась! Не знаю,
Найдется ли у бога зло,
Что в хате той бы не жило?..
Не называю тихим раем
Ту хату на краю села.
Там мать моя мне жизнь дала,
И с песней колыбель качала,
И с песней скорбь переливала
В свое дитя. Я в хате той

Не счастье и не рай святой –
Я ад узнал в ней... Там забота,
Нужда, неволя и работа...
Там ласковую мать мою
Свели в могилу молодою
Труд с непосильною нуждою.
Отец поплакал, вторя нам,
Голодным, маленьким ребятам,
Но барщины ярем проклятый
Носил недолго он и сам.
Бедняга умер. По дворам
Порасползлись мы, как мышата...
Дрожу, когда лишь вспоминаю
Ту хату на краю села!

Мачеха, чтобы избавиться от пасынка, отдала его в пастухи. Пастухом Тарас был плохим. Пасти овец и свиней ему мешало живое воображение. Он часами лежал на старых могилах, разглядывал небо, рассматривал украденную у дьячка книгу с картинками или играл сам с собою в тихие игры.

Это время он потом отразил в своем стихотворении:

Мені тринадцятий минало
Я пас ягнята за селом.
Чи то так сонечко сіяло,
Чи так мені чого було?
Мені так любо, любо стало,
Неначе в бога.....
Уже прокликали до паю,
А я собі у бур'яні
Молюся богу... І не знаю,
Чого маленькому мені
Тоді так приязно молилось,
Чого так весело було?
Господне небо і село,
Ягня, здається, веселилось!
І сонце гріло, не пекло!
Та недовго сонце гріло,
Недовго молилось...
Запекло, почервоніло
І рай запалило.
Мов прокинувся, дивлюся:
Село почорніло,
Боже небо голубеє –
І те помарніло.
Поглянув я на ягнята –
Не мої ягнята!
Обернувся я на хати –
Нема в мене хати!
Не дав мені бог нічого!..

І хлинули сльози,
Тяжкі сльози!.. А дівчина
При самій дорозі
Недалеко коло мене
Плоскінь вибирала
Та й почула, що я плачу,
Прийшла, привітала,
Утирала мої сльози
І поцілувала...
Неначе сонце засіяло,
Неначе все на світі стало
Мое... Лани, гаї, сади!
І ми, жартуючи, погнали
Чужі ягнята до води.

Той девушкой, которая утешала Тараса, была его соседка Оксана Коваленко, тоже сирота и крепостная. Так началась эта трогательная, душевная их дружба... Это была первая любовь Тараса. Вместе с Оксаной Тарас пас стадо, вместе работал в поле. А в минуты отдыха дети плели венки и пели свои любимые песни: «Тече річка невеличка з вишневого саду, кличе козак дівчиноньку собі на порадку...» Или Оксана вдруг запевала бойко и весело:

Люблю, мамо, Петруся,
Поговору боюся!..

А потом, тесно прижавшись друг к другу, дети затягивали грустную, мелодичную «У степу могила з вітром говорила...», и Тарас плакал...

– Почему ты плачешь? Ох, дурной Тарас, гляди, как маленький плачет. Давай, я слезы тебе вытру, – и девочка утирала широким рукавом глаза Тарасу.

Тарас стыдливо улыбался. Она сидела возле него, положив руку ему на плечо.

– Не грусти, Тарасику, ведь, говорят, лучше всех ты поешь, лучше всех читаешь, еще говорят, ты лучше всех рисуешь. Вот вырастешь и будешь художником, правда ж?

– Правда, художником, – улыбнулся радостно Тарас.

– И ты разрисуешь, Тарасик, нашу хату, правда ж?

– Правда... А еще многие говорят, что я ленивый, ни на что не способный... – сказал он, но не грустно, будто сам удивившись, что так говорят. – Нет, я не лодырь, я буду-таки художником!

– Конечно, будешь! – убедительно говорила Оксаночка и неожиданно рассмеялась. – А что ты лодырь, то это правда. Смотри, где твои ягнята! Ой бедные ягнята, что чабан у них такой, – они же пить хотят!

Трагически сложилась судьба Оксанки. Когда Шевченко в 1843 году, после долгого перерыва, снова приехал на Украину и побывал в родном селе, он спросил у своего старшего брата:

– А жива ли моя Оксаночка?..

– Какая это? – не сразу вспомнил брат.

– Да та, маленькая, кудрявая, что когда-то играла со мной...

И тут вдруг заметил, как тень прошла по лицу брата.

– Что же ты смутился, братец?

– Да знаешь, отправилась твоя Оксаночка в поход за полком, да и пропала. Возвратилась, правда, спустя год. Ну, да что уж там! Возвратилась с ребенком на руках, остриженная. Бывало, ночью сидит, бедная, под забором, да и кричит кукушкой или напевает себе тихонько

и все руками так делает – словно косы свои расплетает, а кос-то и нет! А потом снова куда-то исчезла – никто не знает, куда девалась. Пропала, свихнулась... А что за девушка была! Да вот же – не дал бог счастья...

Молча выслушал Тарас эту грустную повесть, опустил голову, нахмурился и про себя подумал:

«Не дал бог счастья... А может, и дал, да кто-то отнял – самого бога одурачил!..»

Старший брат Тараса, Никита, еще от отца научившийся мастерству колесника, предложил Тарасу преподавать ему сложную и весьма необходимую по тем временам науку выгибания косяков и ободьев для тележных колес из свежего дуба или березы. Но Тарас наотрез отказался. Пробовал брат приучить Тараса к земледельческому труду. Но «хлеборобство» не улыбалось ему. Его волновали непонятные для детского ума желания и стремления к простору жизни, к свободе, и он бросал волов в поле и уходил бродить и мечтать о рисовании.

Тарас пошел батраком в зажиточный дом кирилловского попа Григория Кошица.

На его обязанности первоначально лежал уход за буланой кобылой и грязная домашняя работа: он топил печи «в покоях», мыл посуду и полы. Позже его стали посылать на всевозможные хозяйственные и полевые работы, а также и в самостоятельные экспедиции на буланой кобыле на ярмарки и базары.

За свою службу у Григория Кошица Тарас никакой платы не получал, работая «на харчах и хозяйской одежде».

Вскоре он еще раз решил попытать счастья и отправился в село Хлипнивыцы, славившееся своими малярами.

В этом селе, что за Вильшаною, дьяком был хороший маляр. К нему и пришел Тарас. Этот маляр не был хиромантом. Ему было безразлично, какие линии на руках Тараса.

Маляр попросил его нарисовать хату. И рисунок Тараса ему понравился.

– Так вот что, парень, – сказал дьяк, – оставить тебя у себя я бы оставил, но ты ведь панский, вот мне и нужно разрешение от пана, чтобы ты у меня жил и учился. Иди в Вильшану и попроси управляющего, чтобы он дал тебе такой документ, разрешение.

– А он даст? – спросил Тарас, и аж дух ему перехватило.

– А почему нет? Поучись у меня и к пану вернешься.

«То уже посмотрим», – подумал Тарас. И как будто не драная свитка была у него на плечах, а крылья выросли.

– Так я пойду, побегу сейчас же. До свиданья, дядечку, я приду сразу же!

Он действительно как будто на самом деле летел в Вильшану. Он будет учиться рисовать! Осокори, вы слышите? Птичка, ты летишь быстро, но я тебя обгоню!

– Дядя, вы едете в Вильшану, может, подвезете? Нет! Я быстрее вашего коня!..

«Сумасшедший!» – подумал мужик, который ехал шляхом...

Управляющий, толстенький, гладенький человечек, сегодня получил от молодого пана Энгельгардта, которому теперь принадлежало все имущество и села, письмо. Письмо, наверное, было очень важным, потому что сразу он начал орать на всю челядь, двоих даже отправил на конюшню для порки, а сам ходил, как туча, с озабоченным, сердитым лицом.

– Там к вам какой-то хлопец з Кириловки просится, – сказали ему.

– Ну, гони его сюда!..

Перед ним стал паренек с быстрыми серыми глазами.

– Пан управляющий, я к вам. Я очень хочу учиться рисовать, и хлипнивыцкий дьяк берет меня в ученики. Я пришел к вам, чтоб вы разрешили, документ дали.

Парень говорил свободно, раскованно.

«А именно тебя, голубь, мне и надо!» – подумал управляющий, сразу повеселев, даже причмокнул.

– А родители у тебя есть?

– Нет, умерли, сам я.

– Ну, оно и лучше.

– Нет... – помотал головой Тарас, – где там уж лучше – как горох при дороге, кто не идет, тот и скубнет. Вот как я выучусь на художника, пан управляющий... Так дадите документ?..

– Какой еще документ? Глупости! – засмеялся управляющий. – Я письмо от пана получил. Ему именно таких хлопцев, как ты, надо в казачки набрать.

– В казачки?! Какие казачки?.. – еле выговорил Тарас.

– А какие там казачки, пан знает. Так что тебя я до кухаря нашего посылаю. Ты парень, вижу, моторный и сообразительный, может, и научишься чему-нибудь.

– Пан управляющий... – дрожащим голосом промолвил Тарас. – Я хочу на художника учиться. Хлипниевский дьяк согласился меня взять...

– Ну, хватит болтать! – махнул рукой управляющий. – Пан приказал всех детей ему собрать. Отведите его на кухню.

Еще не понимая, что случилось, Тарас пошел за каким-то слугою на кухню...

Он глянул из окна, будто бы прощаясь с лугами, гаями, прудами. Теперь прощай все!.. То хотя бы вольно он бегал себе везде, а теперь – как будто в клетку его посадили.

Шляхом ехали арбы, может и в Кириловку, где Иринка, Оксаночка, дед... Теперь он уже совсем невольник... А как весело час тому назад бежал он этим самым Черным шляхом!..

Так Тарас попал к своему пану Энгельгардту...

В письме, где сообщалось, сколько отправляют пану пудов пшеницы, масла, полотна и сколько детей, напротив фамилии Шевченко управляющий приписал: «Можно выучить на домашнего художника», потому что заметил и коллекцию Тарасовых рисунков.

Но пан на это не обратил никакого внимания. Ему показалось, что именно из Тараса выйдет домашний казачок.

«Казачок! И придумали же такое!» – со злостью думал Тарас.

Само это слово было ненавистным Тарасу, наверное, потому, что походило на любимое ему слово «казак». Были деды вольными казаками, а внуки стали у панов «казачками»!..

Пан сидит в мягком кресле. Иногда так себе просто сидит, отдыхает после прогулки, иногда читает какую-нибудь книжку, не по-нашему писанную, смешную, наверное, потому что всегда смеется, когда читает. И все одну и ту самую, хотя она и тоненькая.

– Трубку! – иногда крикнет. Хотя трубка у него рядом, под боком, на круглом, из красного дерева столе, да не хочет он руку протянуть – казачок подаст.

Закурил трубку. Тишина.

– Воды! – брякнет пан, и казачок снова кидается стрелой до того же красного столика, нальет воды с хрустального дорогого графина, подаст. Снова тишина и грусть.

Казачок сидит в передней и зеваает так, что едва челюсть не свернет. И так надо просидеть целехонький день. Пойти никуда нельзя – а что, если пану потребуется вода или муху отогнать?

От нечего делать казачок начинает под нос себе напевать старую родную песню:

– Ой не шуми, луже, зеленый байраче, не плачь, не журися, молодой казаче!..

Пану это мешает.

– Ты что там распелся, быдло!.. Ну-ка, умолкни!

Что ж, почешет затылок Тарас, да и замолчит.

Повара из него никакого не получилось – так и старший повар признал. Не раз ощущал Тарас на своей голове и здоровенного половника, и макогона, но все же таки далее того, чтоб пепел выгрести либо казаны почистить, не продвинулся. Да и это выполнял абы как. Ну, а пан хотел, чтоб его кухня прославилась не меньше чем кухня графа Строганова – у того ж крепостной повар придумал блюдо и прославил своего пана между всеми панамы, и называлось то блюдо – «бефстроганов». Пан Энгельгардт любил вкусно поесть, поэтому и кухню хотел завести не какую-нибудь. Слава Строганова не давала ему покоя. Проявил бы Тарас талант,

может, и в Варшаву саму послал – выучиться готовить разные деликатесы, – так и управляющий говорил, – но Тарас убежал с кухни и где-то под кустами развешивал свою коллекцию рисунков и любовался ими.

– Ничего из него здесь не выйдет! – махнул рукою управляющий.

Эх! Тоска какая сидеть в передней и ждать, пока гукнет пан воды ему подать, либо трубку принять. Лучше, когда пан едет куда-нибудь, тогда хоть света немножко увидишь. По дороге на заездах не без того, чтоб не пополнить свою коллекцию рисунков, а когда пана нет дома, с этих дешевых ярмарочных картинок Тарас перерисовывает. Есть у него уже и Соловей-разбойник, и старый седой Кутузов, и казак Платов. Но казака Платова он не срисовал еще, ждет подходящего часа.

В Вильно 6 декабря, как и во всех больших городах, «благородное дворянство» давало пышный бал. Ведь это был день именин императора всероссийского Николая I.

Уже с утра в доме начались шум и беготня. Парикмахер, прыгая то влево, то вправо, подбривал пану щеки и подправлял пышные бачки. Казачки бегали с кипятком, полотенцами, разными предметами панского туалета. Портной пришивал к новому гвардейскому мундиру золотые пуговицы с орлами. Лакеи что-то доглаживали, что-то чистили. Тарас с ног сбился, но настроение у него было прекрасное. Еще бы! Пан едет на бал! Он там будет гулять всю ночь. Вот когда Тарас перерисует Платова.

Наконец поданы сани, на пана накинули шубу с бобровым воротником.

– Гони! – И Тарас сам себе пан!..

Он подождал, пока в доме все затихло. Уснули уставшие дневной суматохой лакеи и другая челядь, и даже ключница, которая любила на ночь все осмотреть, перестала уже звенеть своими ключами. Тогда вынул из-за шкафа, что стоял в передней, свое богатство. В кармане штанов еще утром спрятана сальная свечка – ага, не досмотрела ключница – и карандаш, что также незаметно он взял со стола у конторщика, когда бегал к нему с каким-то поручением от пана.

Еще прислушался. Нет, все спят. Он, улыбаясь и радуясь, что может, наконец, отдался любимому делу, засветил свечку, разложил свои рисунки, разрезал листок бумаги и начал перерисовывать портрет знаменитого генерала Платова. Платов ехал по зимним полям. По обочинам дороги валялись замерзшие французы. Конь Платова гарцевал, как будто позировал мальчику.

Конь выходит хорошо, нет, таки действительно хорошо. Тарас прищуривает глаз и смотрит сбоку – настоящий конь, ишь, как копытами землю роет! Вот теперь за генерала надо браться. Если бы он таким же, как на картинке, вышел – на картинке сразу видно, что это знаменитый генерал. Тарас начинает трудиться над генералом. Надо постараться, чтобы и глаза у генерала так же блестели. Ну, конечно, этого карандашом не сделаешь так, как красками. Ничего, попробуем и карандашом...

В «Дворянском собрании» – огни, музыка, уже давно прозвучал «Гром победы» и милостивые шляхетные паненки в причудливых прическах и легких, как тучка, одеждах оттанцевали мазурку. А Тарас все рисует...

Стекает сальная свечка, на улице начинает сереть, и к дому пара рысаков подвозит сани с паном. Скрипит снег...

А Тарас рисует.

Двери уже скрипят сильнее, чем снег, но и этого Тарас не слышит. Он чувствует только, как чья-то рука хватает его за чуб, и видит, как все его рисунки летят на пол.

– Что это? Проклятье! – лютует пан и угощает Тараса по щекам и по голове крепкими оплеухами. – Придумал такое! На конюшню! Жечь свечу! Пожар захотел устроить! Не слышишь, как пан приехал! Быдло!..

Только панскими оплеухами на этот раз не обошлось. Утром двое здоровых лакеев потащили бедолагу Тараса на конюшню, и надолго полосы от розг кучера Сидорко остались у него на спине.

– Вот упертый, молчит и не крикнет! – сказал кучер Сидорко.

И в самом деле, Тарас не кричал, хотя били его до крови. Только слезы, как горох, катились по лицу, и больше от несправедливости, чем от унижения и пекущей боли.

Вечером собрались у Энгельгардта несколько друзей – за чаркой доброго вина посидеть, в карты перекинуться. Тарас, бледный, хмурый, прислуживал им. Велись разговоры обо всем – и как панна Зося вчера мазурку танцевала, и как Гладкевич зайца загнал, и как у Трощинских гуляли, пока без памяти не понапивались.

– Гуляли, хорошо гуляли, панове, – облизывая губы, говорил тоненький чернявый панок. – Вы ж знаете, Павел Васильевич, – обратился он к хозяину, – у Трощинского теперь театр – да какой театр! Из своих же людей организовал, из крепостных.

– Ну, что там у Трощинского, – перебил его толстый, лысый пан в зеленом жупане. – Набрал таких, что ступить не умеют. От у Скоропадских балет – ой, матка боска, девчата тебе – ягодка к ягодке! Такие там красавицы! И учителя с Варшавы к ним выписал. Сам отбирал наилучших, сам отбирал! – подмигнул он и зашелся смехом. – До него девушка придет перед свадьбой, просится замуж, а он ей – в балет. Поплачет, поплачет, да и затанцует. А жениха, чтоб воды не баламутил, не бунтовал – в солдаты. Ну и балет, я вам скажу!..

Пан Энгельгардт насупился и засопел. Тарас уже знал – недовольный пан. Еще бы – у того пана театр, у того – балет, графа Строганова навеки «бефстроганов» прославил... А чем ему похвастаться?

– Налей вина! – крикнул Тарасу. – Стоишь, быдло, рот раскрыл! – И вдруг глянул на Тараса, как будто впервые увидел. Улыбнулся довольный, обвел глазами гостей:

– Тьфу! Балет! А у меня, хе-хе, уже мой собственный художник растет... – и прищурился, как будто говорил: «Ага? Чья взяла?»

На другой день Тараса отдали маляру в науку...

Неожиданно этот город, стародавняя столица Литвы, – Вильно, стал очень дорогим и любимым сердцу Тараса.

Он и раньше видел, как живописно течет мать литовских рек – Вилия, видел чудесные старинные костелы Станислава, Иоанна Крестителя, Петра и Павла, построенные еще в четырнадцатом веке. Любский замок над Вилиею.

И вот совсем неожиданно после одной вечерней службы в небольшом, но на удивление красивом костеле святой Анны, куда он зашел по дороге от своего учителя маляра полюбоваться на витражи и изображения Мадонны, ему показалось все совсем другим на свете.

Он смотрел на тонкое, сияющее лицо святой девы и как-то нечаянно глянул вбок и уже не мог больше спокойно смотреть на небесную деву. Здесь, на земле, почти рядом с ним, стояла тоненькая невысокая девушка, сложивши по-католически для молитвы обе ладони. Сразу он заметил красивые глаза, как нарисованные брови на тонком личике. Вот оно, спокойное, поднялось немного вверх, как будто сама Мадонна сошла и стала среди людей, а через мгновение – темные глаза из-под долгих, стрелчатых век уже посмотрели вокруг, личико ожило едва сдержанной улыбкой, брови слегка поднялись – и все засияло вокруг, не от святых свечек, а от этой земной теплой улыбки.

Неожиданно темные лучистые глаза встретились с удивленным, восхищенным взглядом серых больших глаз какого-то парня, что стоял в уголке, теребя в руках старую шляпу. И одежда на нем была старая... Но столько искреннего восхищения было в этих серых очах, во всем лице, что девушка взглянула еще и еще.

Нет, она, конечно, не была из пышных паненок. Это было видно с ее простенького платьишка, с легкого дешевого платочка, что так скромно окружал ее милую головку, – одежда

обыкновенной виленской мещаночки. Но ни девушка, ни парень не обратили никакого внимания на одежду. Тарас видел лишь брови, глаза, улыбку – и вдруг сам улыбнулся, искренне и радостно, и, испугавшись такого наглого поступка, быстро выбежал из костела. Вот тогда город и стал совсем другим – и река, и улицы, и пригорки вокруг города, стародавние каплицы, и церкви, и замки.

Через несколько дней, в субботу, он не выдержал и снова зашел в костел святой Анны. Чернобровая девушка стояла на том же месте. Он недолго ждал, пока она обернулась и узнала, узнала его! Это он увидел по уголкам розовых уст, что задрожали, силясь не подвести вверх – не улыбнуться. Он вспыхнул, но не убежал, как в тот раз, а достоял до конца. Хорошо, что была суббота, пан куда-то уехал развлечься, и Тарас был весь вечер свободный. Он дождался, пока все люди, которые молились, подошли к распятию, чтобы окропить себе лицо святой водой. Он видел, как и девушка опустила тоненькие пальчики молитвенно и сосредоточенно, но как только повернулась от распятия, сразу взглянула из-под платочка в тот угол, где стоял Тарас. И совсем случайно, в этом был уверен Тарас, они вышли вместе из церкви. Девушка заговорила с ним – Тарас никогда бы не осмелился заговорить первым.

Ее звали Дзюней, Дзюней Гусиковской. Она была швея и была немного старше по возрасту Тараса. Обо всем этом она рассказала на польском языке, потому что была полячкой, и очень смеялась, когда Тарас перекручивал польские слова – хотя, находясь два года в Вильно, выезжая с паном в другие города, он уже понимал достаточно хорошо польский язык. Но называл он ее не Дзюней, а Дуней.

О чем они говорили? Разве можно об этом рассказать? Собственно, ни о чем. Чаще говорила Дзюня, а Тарас слушал ее милый голосок, словно волшебную сказку или небесную музыку.

Об этом знакомстве он никому не рассказывал, конечно, никому. Они встречались. Правда, не часто и ненадолго, и эти встречи были огромным праздником для Тараса.

Тарас ощущал – там, за стенами панского дома, за стенами его крепостной неволи, бурлит жизнь свободная, притягательная. Как будто дыхание весеннего ветра почувствовал Тарас от молоденькой чернобровой Дуни, простенькой швеи с предместья Вильно. Она была грамотной, читала книжки, бывала среди рабочей молодежи, в нее влюблялись молоденькие студенты. Не зная, что это и откуда идет, Дуня и себе напевала, сидя рядом с Тарасом на берегу Вилии:

– До гурта, лавы молодых... (слова из оды Адама Мицкевича)

Она же дышала тем воздухом, которым дышала молодежь Польши, среди которой раздавались призывные слова поэзии Адама Мицкевича.

Это же в Вильно несколько лет назад Мицкевич учился в университете, где существовал тайно кружок революционной молодежи «Филареты». Молодежь мечтала о возрождении Польши, об освобождении ее из-под гнета самодержавного российского императора.

Как-то вечером Тарас ждал Дуню в темном уголке площади возле капеллы Остробрамской богоматери.

«А может, она и не придет? – промелькнула мысль, и грустно и страшно сделалось на сердце. – Она свободная веселая девушка, а я – бесправный, ободранный крепостной. Что может быть общего между нами? Почему я крепостной? Кто сделал так, что столько людей перед панами гнут шеи, обливаясь кровавым потом?»

Любовь к Дуне разодрала завесу, скрывавшую от Шевченко весь ужас его бесправного положения. Хотя уже в детстве он с жадностью прислушивался к рассказам о гайдамаках, боровшихся за свою свободу, и напевал их скорбные песни, однако, забитый и загнанный, он жил, не обращая внимания на свое положение. Конечно, он был еще слишком молод. Любовь ускорила дело времени, она заставила его серьезнее взглянуть на свою жизнь, и, как натура впечатлительная и правдивая, он не мог не прийти в ужас и даже отчаяние. Любовь открыла Шевченко, что не только он сам как рабочая сила принадлежит своему помещику, но что и

его «святая святых», его любовь, находится также в полном распоряжении этого последнего. Он в первый раз пришел к мысли, отчего бы и холопам не быть такими же людьми, как другие свободные сословия.

Что перед ним впереди? Он мечтает рисовать. Ну что ж, будет панским художником, в панской власти будут весь его талант и способности – и он никогда не сможет свободно, не таясь, как теперь, идти рядом с Дуней. Его крепостная неволя – непреодолимое препятствие между ними. Нет, она не придет больше к нему. Она так, пошутила немножко, и только того.

Все ниже опускалась его голова, и он в отчаянии кусал губы. Как ему хотелось ее увидеть! Ведь с того времени, как оторвали его от родных мест, от сестер – ни от кого ни одного ласкового слова, ни привета. «Как перекасти-поле, – подумал Тарас, – гонит ветер». Но вдруг на плече он почувствовал легкое прикосновение маленькой ручки.

– До гурта, лавы молодых! – услышал он веселый шепот. Она пришла, пришла! Это ее любимая песня.

– Дождался? Не сердись? А у меня какие подарки для тебя! Нет, в церковь я сейчас не пойду... Пойдем, пойдем, прошу, подальше, вон тем переулочком, до Вилии, на наше место, я что-то покажу тебе.

Она всегда говорила быстро-быстро, и для Тараса было наслаждением слушать ее голосок.

«Почему она так ласкова ко мне? – не раз думал Тарас. – Возле нее же свободные грамотные парни – а я что?»

«Почему я так ласкова к нему?» – иногда думала и Дзюня.

Ах, ей было все равно, что он крепостной, что он ободранный, что у него ничего нет, кроме серых очей, которые смотрят на нее, как люди смотрят в костеле на Мадонну. Вот это, наверное, ее и пленило – его глаза, его грустные песни, вся его душа, полная безграничной любви к ней. Он готов стать на колени и молиться на нее, а разве так относятся к ней все знакомые, веселые и любящие пошутить парни?

– Прошу, Тарас, сядем тут, я что-то хочу подарить тебе – закрой глаза!

Тарас послушно закрыл глаза и неожиданно почувствовал в руках какой-то материал.

– Это я тебе сорочку сшила. Так, чтоб на праздники надевал. Ну, теперь открой глаза. Теперь, наоборот, широко открой глаза. Я покажу тебе что-то интересное. Только поклянись, что никому не расскажешь.

Тарас широко открыл глаза, нежно прижал к груди дешевую полотняную сорочку.

– Не мни! – по-хозяйски проговорила Дзюня. – Я ее тщательно отутюжила, а тебе же нигде будет ее гладить.

Тарас, как что-то драгоценное, положил рубашку за пазуху, не находя слов, но Дзюне слова об этом были совсем не нужны, она сама была, может, даже больше, чем Тарас, искренне счастлива от своего подарка.

– А теперь смотри и читай, – она вынула из кармана смятый кусочек бумаги, мелко исписанный. – Это мне один студент дал прочитать, – зашептала она, – и я так захотела тебе показать. Вот такие бумажки теперь разбрасывают по всему городу, чтоб люди читали, но их надо читать тайно, потому что из-за них могут посадить в тюрьму. – И она начала читать по-польски: – «Вы, которые страдаете в железных кандалах самодержавия, согнутые под тяжелым и позорным ярмом рабства, восстаньте вместе с нами, россияне...»

– Что это? – схватил Тарас Дзюню за руку.

– Это повстанцы к россиянам обращаются, так мне тот студент сказал! – объяснила она уверенно. – Это против Николая вашего.

Сразу промелькнул в голове Тараса рассказ деда Ивана о гайдамацком восстании за волю.

– Читай, читай дальше!

И Дзюня прочитала вдохновенно, как присягу, листовку от первого слова до последнего.

– Как хорошо! – мечтательно сказала она. – Ведь есть же на свете такие смельчаки, которые не боятся ни жандармов, ни тюрем. Я спрошу того студента, что дал мне этот листочек, где же они, эти повстанцы.

Она говорила просто и спокойно, не понимая всей важности этого дела, а у Тараса загорелось внутри.

– Спроси его, Дунечка, обо всем спроси и еще принеси почитать.

– Ну, конечно, а сейчас надо бежать, мне еще предстоит юбку одной пани дошить. Я теперь только в воскресенье буду в костеле. – Она наклонилась к Тарасу и поцеловала его в щеку...

Но больше им не суждено было встретиться...

Тарас взволнованный возвращался домой. Он не знал, что теперь, перед 1830-м годом, не только в Вильно в кружках молодежи ощущалось приближение бури, а по всей Польше.

Но чувствовал это пан Тараса, лейб-гвардии полковник Павел Васильевич Энгельгардт. Он сидел, насупившись, в кабинете и приказал никому не входить. Только что он вернулся от губернатора. Восстание неминуемо, и надо немедленно решить, что делать: или оставаться здесь и рискнуть быть убитым повстанцами, а если спастись, то вызвать подозрение императора, либо заранее бежать в Петербург.

Пан Энгельгардт решил на второе и не откладывать с отъездом. Выехал порожняком, без имущества и без челяди.

Тарас обрадовался, что пан не взял его с собой. Он ходил, как пьяный, очарованный своей настоящей любовью. В течение недели он думал только, как вырвется в воскресенье в костел и увидит Дуню, и она расскажет ему новости из своей немудреной жизни, и из жизни всего предместья, и, может быть, принесет снова на кусочке бумаги эти такие необычные призывы, что переворачивают всю душу.

Но в воскресенье приказали всей челяди не отлучаться никуда из дома.

– Почему? – спросил Тарас у своего земляка Ивана Нечипоренко.

Иван меланхолически почесал затылок.

– А кто его знает! Не нашего ума дело разбираться. Боятся, чтоб с ляхами не снюхались, но я не знаю, и ты, парень, не суй лучше носа, чтоб на конюшне не оказаться.

А Тарасу именно хотелось «сунуть носа» – узнать, что делается там, на улице, на вольном воздухе. Но никого из челяди никуда не выпускали.

Как же пережить такую долгую, нудную неделю без Дуни, без касания ее маленькой, но такой энергичной, работающей ручки, без ее улыбки, без подвижных тонких бровей. Эта неделю тянулась, как год: среда, четверг, пятница... И вдруг получили из Петербурга приказ пана: всей челяди, и Тарасу в тому числе, отправляться в Петербург.

Как будто сердце расколосось пополам!..

Увидеть, быстрее увидеть Дуню, хотя бы слово от нее услышать, попросить написать... Для чего?..

Безнадежно опустил голову Тарас. Он все же выскользнул, побежал к Остробрамской богоматери и в другие церкви, и православные, католические, где виделся с Дуней, но ее нигде не было. Где она жила, он не знал, и ему стало одинаково – увидит он ее или не увидит. Для чего?

Начиналась зима. Дорога была неблизкой, нелегкой... Ударили морозы. Медленно двигался обоз с панским добром.

Согнувшись, потирая руки, иногда подпрыгивая, чтоб согреться, шли за возами крепостные. У Тараса оторвалась подошва у старенького сапога, и, чтоб не отморозить ноги, он переобувал сапог с левой наги на правую, с правой на левую. Шел замерзшим, голодным, насупив брови. Восемьсот верст казачок Тарас проделал пешком в мороз и вьюгу по дорогам, занесенным снегом.

Ползет мрачный обоз, и Тарасу кажется, что это ползет его жизнь, его молодость, нищая, несчастная, всеми униженная. И почудилось ему, что был то всего лишь сон с чернобровой тоненькой девочкой в костеле святой Анны... И исчезла она, как сон, чтобы уже никогда не появиться ему на его тяжком пути...

И вот Шевченко впервые увидел город на берегах Невы...

Снова потянулись для Тараса такие же унылые и тоскливые, как и в Вильно, дни. Одна отрада была у Тараса: рисование. Огрызок карандаша был для крепостного мальчишки роскошью чрезвычайной. Да и бумага тоже. Рисовал угольками на чем попало. Судьба одарила его «талантом художника». Как по волшебству под его рукой возникали картинки с милыми сердцу видами родной Украины, ее деревеньками, левадами, маленькими вьющимися речушками... А то появлялись лица повстречавшихся ему людей.

Набравшись смелости, Тарас попросил своего помещика отпустить его учиться художеству. Не сразу, но на этот раз сдался Энгельгардт, разрешил! Шевченко был отдан в обучение в мастерскую живописца Ширяева...

В свободное время ученики Ширяева располагались у себя на чердаке. Им, честно говоря, было совершенно безразлично, чердак это или какое-либо другое помещение. Главное, чтобы было где протянуть ноги и быстрее уснуть. Это было их единственное свободное время.

Часто они так утомлялись, что, даже не сбросив вымазанные в краске халаты и сапоги, валились на нищенские сенники, которые лежали просто на полу. Ночь проходила, как минута. Собственно, ночь еще была на дворе, еще долго темнота скрывала все живое, когда хозяин присылал человека их будить.

Как поздно светает в Петербурге и как рано темнеет. Каким коротким-коротким был бледный, бессолнечный день!

Вставать очень не хотелось, но вставали сразу и сразу принимались за работу – растирать краски. Так было заведено. Первые годы учебы у хозяина они были растирателями красок, да еще днем выполняли разные поручения не только хозяина, но и хозяйки.

На каждого из них составлялся контракт. В контракте на Тараса было записано: *«Направляется Тарас Григорьев Шевченков по воле пана своего Энгельгардта Павла Васильева к Санкт-Петербургскому малярного и живописного цеха мастеру Ширяеву Василию Григорьеву для изучения малярного и живописного мастерства сроком наперед на четыре года, с тем, чтобы ему, Ширяеву, научить Шевченка Тараса указанному мастерству как следует. Шевченко ж Тарасу жить у мастера в полном послушании и покорности, ни в чем не ослушиваться и к мастерству быть старательным на всем его, Ширяева, харчах, бане, стирке, а также обуви...»*

Но Тарас чувствовал на себе только один пункт из всего контракта: «жить у мастера в полном послушании и покорности, ни в чем не ослушиваться и к мастерству быть старательным».

Последнее можно было и не записывать. Мог ли он быть не старательным в мастерстве, если с самого детства, переноса издевательства и унижения, нищету, блуждал вслепую от дьяка к дьяку, когда сам просил пана отдать его в науку до Ширяева?

Внешний вид самого Ширяева не очень вызывал симпатию. Высокий, худощавый, с редкой рудоватой бородою, он смотрел на своих подмастеров, на своих учеников сурово, из-под насупленных бровей мгновенно замечал огрехи и ошибки в работе. Вся артель дрожала перед ним. Однако замечания мастера были хотя и суровые, но точные. Архитекторы и художники разговаривали с ним с уважением, как с равным.

– Меня по головке не гладили, и я не поглажу, – говорил скупой на слова цеховой мастер Ширяев. – Никаких послаблений у себя не допускаю. Отдали в науку – учись.

Где же вы, мечты о живописных работах? Тарас с товарищами растирает краску, носит посуду с охрою и мелом, малярные кисти. На него покрикивает хозяйка – Катерина Ивановна,

жена Ширяева, намного младше мужа, но вполне под пару ему. Сварливым всегда голосом, когда разговаривает с учениками, посылает Тараса то на базар, то в магазин, то поручает ему разные домашние работы, до которых Тарас еще с малых лет, когда казачковал у пана, чувствует отвращение. Только в наилучших случаях, иногда, поручают ему покрасить какие-нибудь простые заборы или крыши. И снова, как когда-то, говорит сам себе Тарас: «Терпи, казак, атаманом будешь».

Иногда до боли хотелось с кем-нибудь поговорить, отвести душу. Но нет никого. Правда, есть один земляк – Хтодот Ткаченко – худенький, бледный, болезненный, забитый мальчик. Он молчаливый, неразговорчивый. У Тараса такое впечатление, что, натрудившись, он уже не имеет сил разговаривать.

Хозяин жил на Загородном проспекте в достаточно хорошем доме, но ученики на чистую половину почти не заходили, их помещением была мансарда – низенькая комнатка на чердаке, под самой крышей, даже с отдельным черным ходом.

Как-то хозяин и хозяйка пошли в церковь. Тарас заглянул в гостиную хозяев. Ни мебель, что стояла чинно в чехлах, ни порядок и чистота не обратили внимания Тараса. Его поразили гравюры на стенах. Это тебе не лубочные картинки. Многие гравюры были похожи на иконы, но висели не в углу с иконами, а вдоль стен, и на взгляд святыми не казались.

– Нет, не иконы, – решил Тарас и еще сделал шаг вперед.

В шкафу лежали книги.

– Путешествия Анахарсиса, – только успел прочитать Тарас, как за дверьми на крыльце послышались шаги и разговор. Он быстро выскользнул с хозяйской половины и поторопился к себе на чердак.

В одну из суббот к хозяйке пришли гости – свояки, братья хозяйки с товарищами. Один из братьев, Тарас уже об этом слышал, учился в Академии на художника. На этот раз Тарас с удовольствием побежал в магазин за дешевым вином: хозяйка не любила тратиться на гостей. Он быстро сбежал, принес вино, но Екатерина Ивановна, хозяйка, замахала руками, чтобы не шумел. В комнате было тихо. Один из молодых людей, тоненький, кучерявый, подвижный, читал стихи:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Сначала, даже не разбирая слов, Тарас почувствовал только их ритм и музыку. Он остановился с широко раскрытыми глазами, боясь пропустить хотя бы одно слово. Потом он сразу увидел все перед собой: и бурю, и одинокую хату, и старую бабуся с вязанием в руках... Что за чудо эти стихи!..

У хозяйки глаза сделались необычно ласковыми, и даже у сурового хозяина разошлись всегда насупленные брови и морщины на лице.

– Вот это Пушкин! Это так! – закричал по окончании брат хозяйки.

– Вот это так! – проговорил и хозяин.

– Прочитай еще! – просила молодежь. – Что ты еще захватил с собой?

– У меня есть еще «Ундина» Жуковского, «Руслан и Людмила» Александра Сергеевича Пушкина. «Руслан и Людмила» – первая российская настоящая поэма, – сказал тец.

– Чего ты там стоишь? – заметила хозяйка Тараса. – Давай сюда, что принес, и иди себе.

Она забрала вино и понесла в комнаты. «Так я и послушался! – подумал Тарас. – Дурных мало – были, но подошли».

Он прожогом бросился на чердак.

– Ребята, там у хозяйки гости, студенты, стихи читают. Давайте, послушаем. В коридоре все слышно.

На его удивление, наиболее горячо отозвался молчаливый бледненький Хтодот. Он молча сбросил сапоги, чтобы не скрипели, и спустился за Тарасом.

Возможно, хозяин и хозяйка видели заинтересованные глаза учеников, что выглядывали из коридора, но они сами были увлечены чтением. Да, собственно, ученики и не мешали никак. Как бы там ни было, их не выгнали с коридора.

Еще долго в гостиной хозяев читали, пели, разговаривали. Разошлись поздно. Удивительно было слушать, как гости говорили о Пушкине, Жуковском, что они здесь живут, в Петербурге. «Разве это возможно? – не понимал Тарас. – Они же стихи, книги пишут. Разве они обычные люди, чтобы жить в обычных домах, ходить по улицам, встречаться с людьми? Удивительно это все!»

Тарас долго не мог уснуть. Достать бы книги. Почитать! Эх, что за жизнь!..

С того времени уже никогда не пропускал таких вечеров Тарас, особенно весь напрягался, когда читали Пушкина. Так он прослушал удивительные по простоте «Повести Белкина», поэмы, сказки. А как-то студенты пришли раньше обычного. Ни хозяйки, ни хозяина не было. Один из студентов начал читать, и Тарас услышал слова:

...Свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

– Это декабристам посвятил Пушкин, – сказал шепотом юноша.

Каким декабристам? Про них еще не знал Тарас.

Чтеца сразу же остановили:

– Тише! Этого не надо!

Но юноша, взмахнувши кудрями, задиристо посмотрел и прочитал все же:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Так вот он какой Пушкин, Александр Сергеевич!..

На клочках бумаги всегда в короткие украденные минутки Тарас что-то рисовал – выдумывал новые узоры для стен, плафонов, дополнял, изменял то, что видел. Его товарищи с восхищением удивлялись:

– Так и хозяин не выдумает, ей-богу! Ему узоры всегда другие художники придумывают. Глянув на рисунок, который Тарас не успел спрятать за пазуху, и хозяин убедился в этом.

«Рисовальщиком будет, – подумал он. Презрительно сузил глаза. – Ну, погодите теперь, кто перепрыгнет артель мастера Ширяева!»

Приказал Тарасу сделать узор для плафона квартиры, которую начал украшать, скупыми точными словами объяснив, что необходимо.

– С этого, лобастого, толк будет! – сказал подмастерье.

Но положение Тараса не улучшилось. Тот же чердак, нищенский сенник, бурда на обед с куском черного хлеба, халат маляра, который не стирался годами. Только работы добавилось.

Мастер живописных, малярных дел Ширяев умел взять все, что только было возможно, из своих подчиненных. И как его боялись все подчиненные, как его боялся Тарас! Ему каза-

лось, что все наихудшее, грубое, строгое, что было во всех предыдущих учителях, объединилось в этом хозяине.

Ни праздника, ни радости. Но серые пытливые глаза все с тем же интересом смотрят на мир.

– Ребята, а вы знаете, что завтра праздник в Петергофе? – спросил он вечером. – Ежегодно 1 июля праздник, а мы ни разу не были. Говорят, в Петергофе фонтаны, дворцы, иллюминация будет. Завтра же воскресенье...

– Не мели, Тарас, – останавливают его товарищи. – Так тебя хозяин и отпустит! И чего только тебе в голову не приходит?!

Действительно, чего только не приходит в голову Тараса? Он уже пятый год в Петербурге и ни разу не был в Петергофе. Он молча ложится, но решает все же испробовать счастья. Завтра ж воскресенье! Он скажет хозяину, что ходил на панский двор к управляющему пана Энгельгардта. Он скажет... «Да как-нибудь выкручусь».

Он ложится с твердым намерением подняться до рассвета и отправиться посмотреть Петергоф. В кармане есть полтина – горько заработанная, давно припрятанная.

Тысячи экипажей двинулись с заставы, девять пароходов ходили туда и обратно за пассажирами. Сотни тысяч народу, довольные, веселые, увлеченные радостным днем, бродили по аллеям Петергофского сада.

Казалось, все жители Петербурга решили побывать на празднике в Петергофе. Они заполнили все улицы и переулки маленького города, и по нему даже тяжело было передвигаться. Даже вокруг Петергофа вся местность была заполнена различными экипажами, бричками, каретами, палатками. А о самом парке и говорить нечего, столько там было народу! Но развлекался каждый по-своему.

По широким аллеям гуляла роскошно убранная «чиста публика». Какие пышные туалеты дам! Какие модные сюртуки, галстуки, жилеты, расшитые золотом, у мужчин! Будто бы павлины, выступали они медленно и важно. Казалось, что они боялись проявить настоящий веселый интерес к празднику, а больше пытались себя показать. Хотя тяжело было удержать свое восхищение перед игрой знаменитых петергофских фонтанов, которые каскадами падали с террас, образуя чрезвычайной красоты аллею, от дворца к морю.

Прогулявшись по аллеям, посетители садились отдохнуть на веранде «Монплеизир».

Куда веселее было возле палаток с претензионными названиями «Париж», «Лондон», «Лиссабон». Там толпились люди попроще. Смех звенел возле разных грибков, альтанок. Неопытные девчата и ребята из простолюдинов садились под ними на лавочки, и неожиданно их обливал дождь.

Раздавались голоса продавцов разных лакомств, которые с лотками на шее ходили в толпе. Но то там, то тут появлялись в толпе голубые мундиры жандармов, и возле них смех и разговоры сразу утихали.

Тарас, конечно же, не приехал в экипаже, не приплыл пароходом. Он пешком прошагал весь путь от Петербурга до Петергофа и, уставший, раскрасневшийся, зашел в парк. Он только бросил взгляд на верхний сад с широким бассейном, откуда поднимался бог морей Нептун со своими подданными, и поторопился вниз, за дворец, где, как говорили, можно было увидеть невероятные чудеса.

Брызги фонтанов, что переливались на солнце всеми цветами радуги, сразу ослепили глаза. Дворец, статуи, нарядная публика... От усталости, от этого каскада впечатлений у Тараса на мгновение закружилась голова, и он закрыл глаза, а когда открыл, прямо на него шел степенно, медленно, в новом дорогом сюртуке, наглухо застегнутом, сам хозяин Ширяев и вел под руку свою жену Екатерину Ивановну в таком пышном платье в оборочках и кружевах, что заняла половину аллеи.

Тарас смутился. Он опустил голову и спрятался за какими-то молодыми людьми. И уже не существовали для него ни дворцы, ни террасы, ни могучий Самсон, ни фонтаны. Здесь был хозяин, мастер Ширяев, в полной власти которого находился Тарас.

Он тихо вышел из парка и побежал назад. Столько народу гуляло и веселилось ночью, любовалось мудреной иллюминацией! Разве мог быть праздник для него? Он добрался до своего чердака и, протянувшись на матрасе, набитом сеном, уснул тяжелым сном...

Как здорово, что в Петербурге есть белые ночи.

Ребята, утомленные дневной работой, еще спят. Совсем тихо и на половине хозяев. Только Тарас не может никак заснуть в своем углу.

В крохотное окошко на чердаке пробивается свет. Видно, как днем.

Это петербургская белая ночь. Тарасу не спится. Голова его полна мыслей и мечтаний. Это его единственное свободное время, он может думать о том, что ему хочется. Сейчас так видно, что он может даже делать то, что хочет!

Тарас улыбается сам себе, осторожно, чтоб никого не разбудить, встает, набрасывает на плечи халат, засовывает в карман серую бумагу для рисования и карандаши.

«Возьму сразу ведерко и кисти, чтоб потом не возвращаться домой, а прямо на работу», – решает он и берет ведерко из-под охры, длинные малярские кисти. Сапоги в руках, чтоб случайно не заскрипеть около хозяйских дверей. И черным ходом спускается на улицу.

Улицы залиты молочным светом белой ночи. Тишина. Он идет ровными улицами к Неве. Поднимается щетина мачт над грязной, как во всех гаванях, водой; фрегаты, торговые корабли, широкие баржи стоят на рейде. Пахнет смолой. Слышатся людские голоса, потому что и ночью здесь не останавливается работа. Как раз выгружают на берег огромные гранитные цилиндры.

Это привозят материал для Исаакиевского собора, который строят на Сенатской площади. Тарас уже не раз с интересом ходил вокруг огромных лесов, в которые одето строение, удивлялся огромным мраморным глыбам, что прикатили из Финляндии, засматривался на портики с гранитными колоннами с капителями. Более трех тысяч работников занято на строительстве собора, и с этого лета строение растет особенно быстро. Тарас остановился на мгновение возле гавани. Сколько людей, сколько неведомых путей проплыли, прошли все они – и те моряки, что привезли сюда эти прекрасные украшения, и эти ободранные грузчики, которые на мускулистых руках выносят привезенное из дальних стран.

– С дороги! – толкает кто-то сердито в бок, и он, задумчивый, идет дальше.

Шум и гам остаются позади, а с ним снова тишина чарующей белой ночи. Вот его любимая набережная, где стоят те дома, на которые он всегда смотрит с грустью и завистью. Университет... Академия наук... И что более всего пленяет его беспокойную душу – Академия художеств.

Он смотрел на сфинксов, которые поднимаются из воды напротив и как будто охраняют всегда вход к этому светлому храму.

И уже не останавливаясь, он идет дальше. Напротив, над Невой – Зимний дворец, в котором живет царь, сам Николай I. Из его окон хорошо видно Петропавловскую крепость, в которой мучаются в цепях борцы за свободу, на кронверке которой, десять лет назад, повесили пятерых «святых безумцев» – декабристов.

Теперь уже Тарас знает об этом.

И Пушкин Александр Сергеевич живет в Петербурге.

Тарас проходит мостом над Невой и направляется к Летнему саду. Если бы он знал, что Пушкин недавно жил здесь совсем рядом и что и он часто белыми ночами в халате и тапочках выходил в Летний сад и, смеясь, говорил друзьям: «Летний сад – мой город».

Сейчас здесь нет никого. Сторож мирно храпит возле своей будки. Все статуи в неярком свете белой ночи кажутся совсем другими, чем днем, не такими грубыми. Тарас мечтательно смотрит на прекрасную, величественную и в то же время легкую, как будто из кружев,

чугунную ограду сада, на маленький домик справа – самый первый дворец Петра Первого. Маленький золотой флюгер на крыше домика стоит неподвижно – ветра нет. Это редкость для Петербурга. Он прошел садом, полюбовался на высокую мраморную вазу напротив Михайловского замка и повернул в аллею статуй. Какая тишина, какое спокойствие сейчас в этом саду! Никто и ничто не мешает, он может отжаться своему любимому делу. Тарас вынимает бумагу и начинает рисовать. Но все чувства, мысли, мечты возбуждены прогулкой. Он не может сейчас воплотить их, перелить в спокойные линии. Эх! Если бы можно было запеть! Запеть родную песню, какую пели сестры, мать, старый дед Иван там, на далекой Украине. Ему очень захотелось запеть так, как когда-то он пел сам, блуждая степями, ярами над синим Днепром. Этого, конечно, нельзя делать. Но в голове звенят эти песни, с какими-то новыми, своими, и вместо того, чтобы рисовать, как собирался, на рисовальной бумаге он записывает свои песни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.